

84
К 73 п

ПОМИНКА

по

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

КОТЛЯРЕВСКОМЪ.

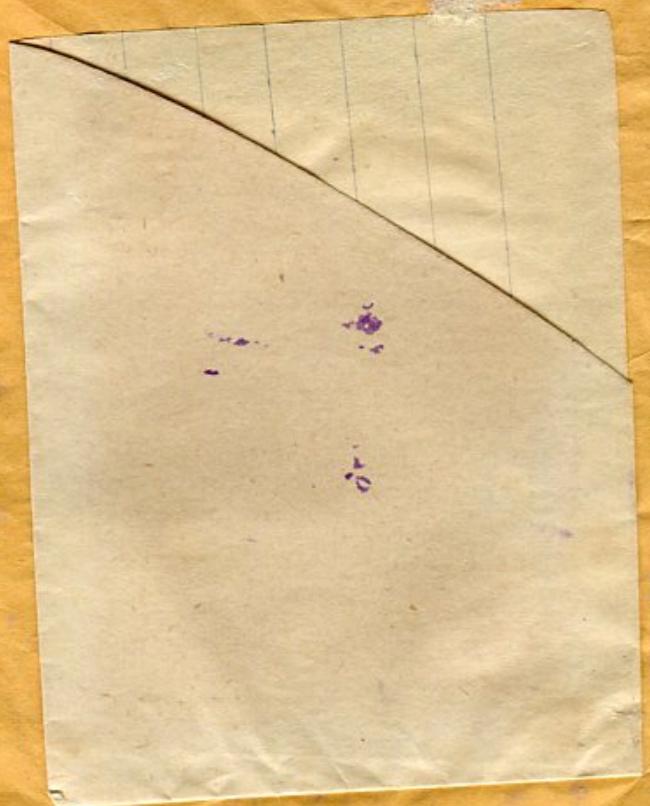
КІЕВЪ.

ВЪ УНІВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФІЇ (І. І. ЗАВАДСЬКОГО).

1881.

✓

77 100

804
к-734
84
к73п

ПОМИНКА

по

АЛЕКСАНДРЪ АЛЕКСАНДРОВИЧЪ

КОТЛЯРЕВСКОМЪ.

22 ФЕВ 1954

16762

В

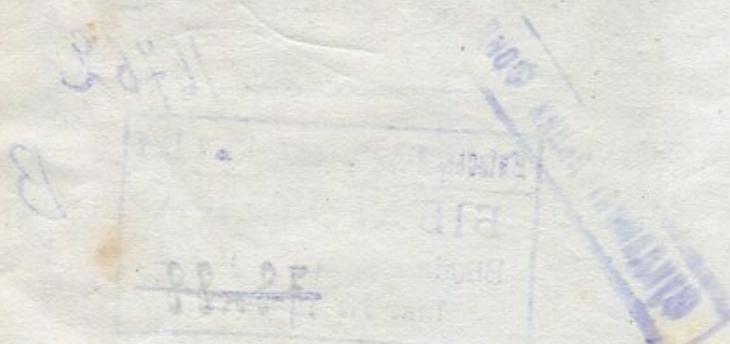
КІЕВЪ.

ВЪ УНИВЕРСИТЕТСКОЙ ТИПОГРАФИИ. (І. І. ЗАВАДЗКАГО).

1881.

✓X

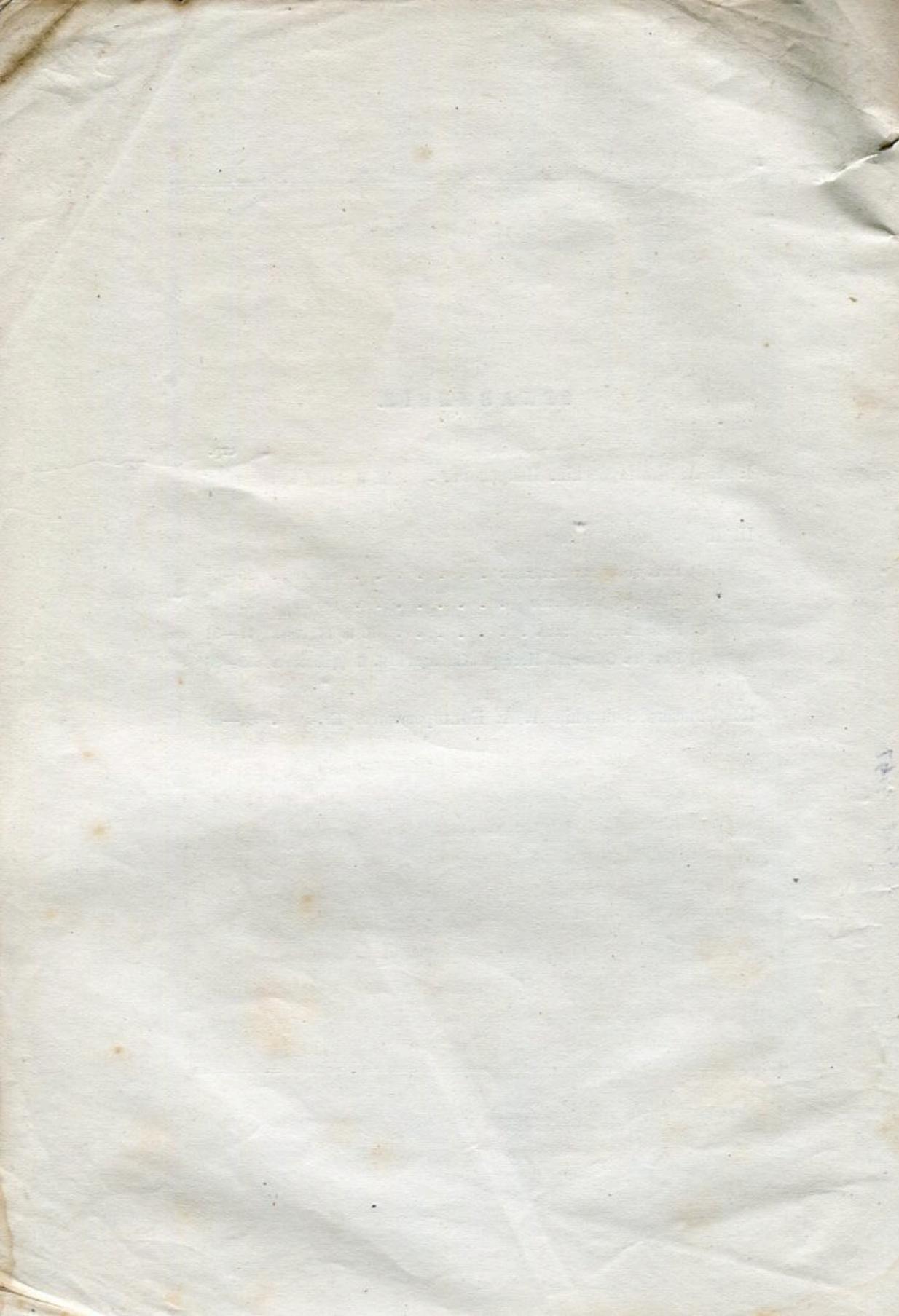
Оттискъ изъ Университетскихъ Извѣстій.
Печатано по опредѣленію Совѣта Университета Св. Владимира,
1881 года.

О ГЛАВЛЕНИЕ.

	стр.
I. А. А. Котляревский. Некрологъ	П. И. Аландского 1—25
II. Поминальные рѣчи:	
1) Рѣчь во время панихиды	его-же . . . . . 26—31
2) Рѣчь при погребеніи	его-же . . . . . 32—40
3) Рѣчь къ студентамъ	И. Н. Жданова 41—51
4) Рѣчь изъ Общества Нестора Львовскаго Н. П. Дашибевича	52—86
III. Списокъ сочиненій А. А. Котляревскаго. Его-же . . . . . 87—96	

49/1
к. 1

Александръ Александровичъ Котляревскій.

(НЕКРОЛОГЪ).

Смерть, приближавшаяся къ Александру Александровичу медленно и постепенно, сразила его наконецъ однѣмъ внезапнымъ и быстрымъ ударомъ 29-го сентября въ Пазѣ, гдѣ онъ искалъ убѣжища отъ суровой русской зимы и надѣялся оправиться отъ потрясений, причиненныхъ его чуткому и отзывчивому сердцу послѣдними неизгодами русской жизни. Самая напряженная усилия знанія и самая нѣжная попеченія дружбы были не въ силахъ остановить разрушительное дѣйствие злого недуга, давно поселившагося въ груди его. Его жизнь прервана, ученая дѣятельность пресѣчена въ ту пору, когда труженики науки чувствуютъ потребность подвести итоги накопленному знанію и опыту, когда имъ хочется высказать свои задушевныя мысли и свои зрѣлые убѣжденія по тѣмъ вопросамъ, рѣшенію которыхъ послѣщены были ихъ силы. Здѣсь смерть одержала побѣду и намъ остается, оплакавъ свою потерю, собрать и обнародовать то, что

составляетъ лучшіе плоды ученой дѣятельности покойнаго, намѣтить ихъ цѣнность и значеніе и такимъ образомъ вопреки усилиямъ смерти продлить благотворное дѣйствіе завѣтныхъ помысловъ и стремленій человѣка, который въ недолгое время успѣлъ сдѣлать многое, достойное вѣчной памяти. Смерть страшна для отдѣльныхъ лицъ; для общества гибельно забвеніе, этотъ вѣрный спутникъ смерти, украдкой вырывающій изъ памяти преемниковъ молодые побѣги, возникшіе изъ сѣмянъ, посѣянныхъ ихъ предшественниками. Къ счастью спасти отъ забвения цѣнныя плоды жизни несравненно легче, чѣмъ отстоять самую жизнь.

Потребуется не мало времени и труда, чтобы собрать и изложить въ порядкѣ то, что есть поучительнаго и достойнаго памяти въ жизни Александра Александровича. Онъ не оставилъ записокъ о своей жизни, большая и лучшая доля которой была проведена въ рабочей комнатѣ, вдали отъ шума и тревогъ современной жизни, среди книгъ, постоянно отвлекавшихъ его думы отъ настоящаго къ прошедшему. Такая жизнь бываетъ обыкновенно не богата событиями и оставляетъ свой слѣдъ не въ мемуарахъ, а въ случайныхъ замѣткахъ по поводу предметовъ и задачъ, занимавшихъ умъ, въ наброскахъ и планахъ задуманныхъ, но не исполненныхъ работъ. Можно думать, что въ бумагахъ покойнаго найдется много замѣтокъ подобного рода, пригодныхъ для характеристики его, какъ ученаго, и полезныхъ для тѣхъ, кто занимаются

изученіемъ литературы и древностей всѣхъ отраслей славянского племени. Вниманіе Александра Александровича охватывало весьма широкій кругозоръ и пристально слѣдило за движеньемъ науки въ области не только славяно-вѣдѣнія, но также исторіи средневѣковой литературы германской и романской, археологіи и мифологіи. На многихъ предметахъ оно по необходимости останавливалось лишь мимоходомъ на столько, сколько нужно было, чтобы отмѣтить достойное памяти, поставить вопросъ и получить отвѣтъ на него въ видѣ догадки, подсказанной обширной ученостью и быстрымъ соображеніемъ. Покойный любилъ порядокъ и строго охранялъ его не только въ своей огромной библіотекѣ, но и въ бумагахъ, такъ что получившій доступъ къ нимъ найдеть материалъ подобраннымъ и размѣщеннымъ въ отдѣльныхъ связкахъ и картонахъ.

Второе по важности мѣсто въ ряду источниковъ для биографіи Александра Александровича занимаетъ его обширная переписка съ представителями славянской науки не только въ Россіи, но и заграницей. Покойный не только тщательно хранилъ письма, адресованныя къ нему, но также оставлялъ копіи съ своихъ собственныхъ писемъ, болѣе значительныхъ и важныхъ по содержанію. Здѣсь найдутся дашныя для изображенія того, какъ относилъ онъ къ различнымъ явленіямъ въ области современной науки, событиямъ и лицамъ, затрагивавшимъ такъ или иначе его какъ ученаго и человѣка. Изучая личность

покойнаго по отраженію ея въ перепискѣ съ друзьями и знакомыми, необходимо имѣть въ виду, что люди, одаренные тонкой, легко раздражающейся чувствительностью и склонные къ юмору, очень рѣдко выражаютъ свои помыслы и чувства съ точнымъ соблюдениемъ ихъ подлиннаго вида и размѣровъ. Говоря словами Г. Буасье, у людей такого рода слово и перо даютъ болѣе прочности ихъ мимолетнымъ мыслямъ. Это были не болѣе, какъ молнии; записывая ихъ дѣлаютъ болѣе точными и явственными, причемъ они пріобрѣтаютъ такую отчетливость, рельефность и важность, какой въ дѣйствительности не имѣли. Не всякий умѣеть читать и понимать такія письма, какъ слѣдуетъ.

За перепиской слѣдуютъ свидѣтельства лицъ близкихъ къ покойному въ разные періоды его жизни. Изъ товарицей по гимназіи къ нему близко стояли П. С. Яблоновскій, нынѣ предсѣдатель съѣзда мировыхъ судей въ Пирятинѣ, и В. А. Андрускій, предсѣдатель земской управы тамъ-же. Первый находился въ перепискѣ съ Александромъ Александровичемъ и, быть можетъ, сохранилъ письма важныя для знакомства съ годами его юности и молодости. Кругъ лицъ, близко знавшихъ Александра Александровича въ Москвѣ въ годы студенчества и потомъ, гораздо обширенѣе. Въ числѣ ихъ были А. А. Козловъ, Н. А. Поповъ и Н. С. Тихонравовъ. Къ нимъ и остальнымъ, неизвѣстнымъ намъ ближе, мы обращаемся съ покорнѣйшей просьбой сообщить намъ то, что сохранила

ихъ память о покойномъ. Богато одаренная природа Александра Александровича хранила задатки для разныхъ направлений жизни и дѣятельности. Въ послѣдній періодъ своей жизни онъ неуклонно слѣдуєтъ одному, предается ученой работѣ, съживаетъ свой кругозоръ и, не теряя изъ виду остального, сосредоточиваетъ свое вниманіе на исторіи древнерусской письменности. Повидимому не вдругъ и не безъ колебаній установилось это направленіе и сложились соотвѣтствующіе ему вкусы и привычки, по крайней мѣрѣ надъ гробомъ его, опускавшимся въ могилу, шла рѣчь объ увлеченіяхъ его молодости, о его борбѣ и побѣдѣ надъ ними. Для нась въ высшей степени важны всѣ указанія на тѣ ступени, по которымъ дошелъ покойный до высоты своего призванія,—на отклоненія его въ сторону, на тѣ событія, которыя или отвлекали его отъ прямого пути къ цѣли, намѣченной имъ очень рано, или вновь обращали къ ней. Въ жизни даровитыхъ людей, росшихъ не въ теплицѣ, а на вольномъ воздухѣ, испытавшихъ всякую погоду, отражается особенно ярко и живо исторія современного общества своими свѣтлыми и темными сторонами. Намъ думается, что правдивое изображеніе того, какъ жили и что испытали лучшіе представители отшедшаго поколѣнія, скорѣе всего можетъ воспитать трезвость мысли и устойчивость воли въ тѣхъ, кому приходится выбирать или прокладывать себѣ дорогу въ жизни. Обратившись съ призывомъ, мы будемъ ждать отклика, а пока представимъ друзьямъ и почитателямъ

покойного блѣдный очеркъ жизни его, далеко не равный
нашему усердію къ его памяти.

Александръ Александровичъ родился въ 1837 г. въ Крюковѣ, предмѣстьѣ г. Кременчуга, гдѣ до самой смерти своей въ 1877 г. проживала мать его, Марья Яковлевна, въ собственномъ домѣ. Во все продолженіе нашего знакомства съ покойнымъ, любившимъ разсказывать о своихъ встрѣчахъ и сношеніяхъ съ людьми, память его никогда не останавливалась на порѣ дѣтства и юношества, всегда дорогой и привлекательной для тѣхъ, кому посчастливилось провести первые годы жизни въ хорошо устроенной семье. Было ли это умолчаніе случайностью или знакомъ того, что утро жизни было далеко не безоблачно для покойного,—мы теперь не можемъ рѣшить; тутъ необходимо помочь той, кому онъ довѣрялъ самыя завѣтныя думы и самыя острыя воспоминанія свои. Отмѣтимъ здѣсь, что въ извѣстномъ намъ періодѣ душевное настроеніе Александра Александровича опредѣлялось двумя основными тонами, послѣдовательно смѣнявшими другъ друга. Въ присутствіи многихъ мысль и рѣчь его была оцѣнена юморомъ, проходившимъ всѣ степени отъ добродушной усмѣшки до рѣзкой и горькой ироніи. Въ бесѣдахъ наединѣ чаще приходилось слышать отзвуки тихой грусти, источникъ которой иногда можно было угадывать, но никогда нельзя было примѣтить. Были ли эти два основные тона отголосками первыхъ опытовъ жизни, или явились

впослѣдствіи, какъ плодъ несбывшихся мечтаній и надеждъ молодости, рѣшить нельзя.

Александръ Александровичъ учился въ полтавской гимназіи, о которой всегда вспоминала съ теплотой и благодарностью. Между его учителями былъ одинъ, уроки котораго запали глубоко въ душу будущаго филолога. Кто былъ этотъ учитель, чѣмъ и въ какомъ направленіи дѣйствовалъ онъ на умы и сердца своихъ учениковъ, могутъ разсказать намъ школьніе товарищи Александра Александровича и въ числѣ ихъ два лица, названные нами выше. Несомнѣнно одно, что въ московскій университетъ покойный явился уже съ опредѣлившимися до значительной степени вкусами и стремленіями. Его занимала исторія, а въ исторіи на первомъ планѣ онъ видѣлъ народъ съ его вѣрованіями, думами и обычаями. Нельзя не примѣтить, что въ послѣдующей дѣятельности онъ постепенно переводилъ взоръ свой съ явленій народной жизни на исторію науки о ней. Подвижность жизни уменьшалась; рабочая комната привлекала къ себѣ покойнаго все сильнѣе и сильнѣе; книги, которыми сверху и до низу были заставлены стѣны ея, болѣе и болѣе поглощали его вниманіе, заслоняя собою живую современность, впечатлѣнія которой съ каждымъ днемъ становились острѣе и неудобнѣе для спокойнаго наблюденія.

Какъ протекла жизнь Александра Александровича въ годы его студенчества, дѣлясь между университетомъ и обществомъ, что пріобрѣлъ онъ отъ своихъ наставни-

ковъ и что вынесъ изъ сношеній изъ людьми въ аудиторій,—на эти вопросы надобно ожидать отвѣта отъ его будущей біографіи. Будущій профессоръ славяновѣдѣнія вышелъ изъ университета по оконченіи курса въ 1857 г., не получивъ степени кандидата. По обычномъ испытаніи онъ въ томъ-же году былъ определенъ учителемъ русскаго языка въ Александровскій сиротскій кадетскій корпусъ въ Москвѣ, но преподавательская дѣятельность его была не долгая. Однажды вечеромъ онъ встрѣтился у одного изъ своихъ сослуживцевъ съ эмігрантомъ К., тайкомъ пробравшимся въ Россію, и эта встрѣча, безобидная сама по себѣ, стоила покойному очень дорого. О пребываніи К. въ Москвѣ узнали; лица, вступавшія съ нимъ въ сношенія, были арестованы. Александръ Александровичъ, только что начавшій свою семейную жизнь, былъ взятъ, доставленъ въ Петербургъ и подвергнутъ одиночному заключенію сначала въ одномъ изъ казематовъ Петропавловской крѣпости, а потомъ при III отдѣленіи. Тюремная жизнь продолжалась 6 мѣсяцевъ. Объ этомъ тяжеломъ эпизодѣ своего прошлаго покойный не разъ вспоминалъ довольно благодушно. Онъ хвалилъ чистоту своего помѣщенія въ крѣпости, съ признательностью упоминалъ о бібліотекѣ коменданта, въ изобилии снабжавшей его описаніями путешествій и говорилъ, что во время пятимесячнаго пребыванія въ крѣпости онъ успѣлъ собрать значительный запасъ этнографическаго материала, и даже нашелъ средство безъ цера и чернилъ дѣлать краткія

отмѣтки на клочкахъ, сбереженныхъ имъ на память. Но благодушный тонъ воспоминаній явился впослѣдствіи, а самый эпизодъ въ свое время долженъ былъ оставить глубокіе и горькіе слѣды въ душѣ Александра Александровича, который зналъ, что бѣда, обрушившаяся на него, поразила ужасомъ и довела до отчаянія ту, которая не задолго предъ тѣмъ дала обѣтъ быть вѣрной подругой его въ радости и въ горѣ. Неизвѣстно, почему допросъ былъ сдѣланъ спустя почти полгода послѣ ареста. По окончаніи его заключенный снова получилъ свободу, но былъ лишенъ права поступать на государственную службу.

Быть можетъ, въ связи съ этимъ лишеніемъ стоить то, что покойный такъ долго не искалъ ученой степени, не имѣвшей для него цѣны послѣ того, какъ былъ прегражденъ путь къ ученой дѣятельности. Только въ 1863 г. онъ получилъ степень кандидата въ Петербургскомъ университѣтѣ, гдѣ его знанія и дарованія нашли вѣрнаго цѣнителя въ И. И. Срезневскомъ. Слѣдующіе годы вниманіе Александра Александровича было занято изученіемъ обычаевъ родной старины и средоточиемъ его ученой дѣятельности было Московское Археологическое Общество, предсѣдателю коего, графу А. С. Уварову, онъ и посвятилъ свой первый обширный трудъ О Погребальныхъ Обычаахъ Языческихъ Славянъ, за который онъ и былъ удостоенъ въ 1868 г. С.-Петербургскимъ университетомъ степени магистра славянскихъ литературъ. Цѣль этого труда состояла въ томъ, чтобы свести въ одно цѣлое раз-

разненные и доселъ разбросанные факты погребальной старины языческихъ Славянъ, критически осмотрѣть, опредѣлить ихъ надлежащій смыслъ и степень значенія, наконецъ, собрать ихъ по возможности въ стройный порядокъ систематического изложенія. Автора занимала при изученіи избранного предмета прежде всего жизнь дѣятельная, а потомъ уже поэзія, какъ необходимый элементъ жизни, отъ которого идутъ многіе побѣги ея и который оевѣщаетъ многія ея стороны. Погребальные обычаи и обряды разсматриваются въ этомъ сочиненіи, какъ отраженіе реальной, исторической жизни, и изучаются для возсозданія этой жизни (Ср. Посвященіе гр. Уварову). Направленіе и характеръ покойнаго выразились уже въ этомъ трудѣ съ достаточнотою опредѣлительностью. Онъ былъ филологъ—реалистъ въ самомъ строгомъ и лучшемъ значеніи этого слова. Не останавливаясь на словахъ, знакахъ и символахъ, онъ всюду старался проникнуть до того, что составляютъ душу живу филологическихъ предметовъ, причемъ помощью ему были не наблюденія и выводы науки о душѣ, а прирожденная и усиленная опытомъ способность угадывать скрытые движения мысли и чувства по отраженію ихъ, хотя бы и неясному, въ языкахъ и поведеніи. Острымъ умомъ и чуткимъ сердцемъ онъ уразумѣвалъ самъ и указывалъ другимъ смыслъ обрядовъ и обычаевъ, источникъ вѣрованій и предметы неясныхъ мечтаній, выразившихся въ народномъ словѣ. Онъ забочился уловить связь между глухимъ явленіемъ и жизнью,

когда-то въ немъ трепетавшею, раскрыть причины возникновенія и бытования извѣстныхъ обычаевъ. Изъ двухъ способовъ умственной дѣятельности,—отвлеченного мышленія и наглядного представлениія,—послѣдній былъ сродниѣ его природѣ и въ значительной долѣ опредѣлялъ какъ предметы, такъ и приемы его ученыхъ занятій. Въ этомъ заключается сила и превлекательность его дарованія. Желая напр. оцѣнить достовѣрность свидѣтельствъ о славянахъ, заключающихихъ въ сказаніяхъ объ Оттонѣ Бамбергскомъ, Александръ Александровичъ старается прежде прочаго войти въ образъ мыслей, интересы и взаимныя отношенія дѣйствующихъ сторонъ, т. е. бамбергскихъ миссіонеровъ и поморянъ. Онъ рисуетъ памъ, какъ первыешли въ страну ужаса и нечестія, въ царство діавола,—шли, правда съ рѣшимостью, но едва ли съ покойнымъ духомъ. Онъ заглядываетъ въ душу язычниковъ, чтобы подмѣтить, какое дѣйствіе должна была произвести проповѣдь миссіонеровъ, руководясь при этомъ не положительными извѣстіями древнихъ памятниковъ, а данными общаго, повседневнаго опыта, которая подсказываютъ ему аналогіи, необходимыя для наглядного представлениія (см. Книгу о Древн. и Ист. Пом. Слав. стр. 95 и дал.). Такой способъ разсужденія дѣйствуетъ убѣдительно лишь на тѣхъ въ комъ сильна дѣятельность наглядного представлениія. Люди склонные болѣе къ отвлеченному мышленію требуютъ иныхъ основаній и доказательствъ.

Живость воображения соединялась въ Александрѣ Александровичѣ съ осторожностью и трезвостью ума въ такой степени, которая предохраняетъ отъ увлечений и спасаетъ отъ ученаго безплодія. Эти качества, не столько сродныя природѣ его, сколько привитыя воспитаніемъ ума на твореніяхъ великихъ представителей германской и славянской филологии, обнаруживаются уже въ изслѣдованіи о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ. Въ немъ онъ старается по возможности отдѣлять достовѣрные исторические факты и прямые необходимые выводы изъ нихъ отъ личныхъ, подлежащихъ спору, объясненій, имѣя въ виду доставить читателю всѣ средства къ убѣжденію, хотя бы оно и не согласовалось съ его собственнымъ и было вѣрище послѣднаго, ибо „кто, замѣчаетъ Александръ Александровичъ, наученный опытомъ и уроками прошедшаго, можетъ сказать, что его догадки всегда и вездѣ—вѣрны и неопровергимы“.... Чѣмъ болѣе расширялось знакомство съ опытомъ и уроками прошедшаго посредствомъ прилежнаго собирания и изученія ученой литературы, тѣмъ осторожнѣе и медленнѣе становился покойный въ своихъ отвѣтахъ на очередные вопросы науки, предпочитая вмѣсто готоваго решения давать своимъ читателямъ или слушателямъ *исторію* каждого вопроса, поставить ихъ на дорогу, по которой шли предшественники, и указать предѣлъ, до коего достигли они. Владѣя огромной и отлично составленной библіотекой, Александръ Александровичъ могъ, какъ едва ли кто другой изъ това-

рицей его по наукѣ, изучить исторію каждой вѣтви славяновѣдѣнія, а равно и другихъ отраслей науки, соприкасавшихся съ собственнымъ предметомъ его изученія. Обширная и многосторонняя начитанность соединялась въ немъ съ широтой кругозора и проницательностью взгляда, съ чуткостью пониманія и ученымъ безпредвзятіемъ, воздающимъ каждому свое, не знающимъ узкой односторонности и упрямаго осмѣянія партій и враждебныхъ направленій. Добродушный юморъ мѣтко и рельефно освѣщавшій слабыя стороны и промахи ученыхъ, придавалъ его изложенію исторіи каждого вопроса особую живость и привлекательность, облегчавшую работу памяти для его слушателей. Таковы пемногія черты его, какъ ученаго, подсказанныя мнѣ мыслью о его магистерскомъ разсужденій.

Еще въ 1867 г. Александру Александровичу вновь было разрѣшено поступить на службу по учебному вѣдомству, но только въ дерптскій округъ, и въ 1868 г. онъ былъ назначенъ экстра-ординарнымъ профессоромъ русскаго языка и славянскаго языковѣдѣнія въ дерптскій университетъ. Трудно было сдѣлать болѣе счастливый выборъ. Въ совершенствѣ владѣя вѣмецкимъ языккомъ, Александръ Александровичъ былъ и глубокимъ знатокомъ германской литературы и древностей, полнымъ хозяиномъ въ той области, гдѣ соприкасались историческая судьбы славянскаго племени съ германскимъ. Истый славянецъ по природѣ и воспитанію онъ, не отступаясь никогда отъ

своего, умѣль понимать и чтить чужое и былъ исполненъ глубокаго уваженія къ подвигамъ германской науки и трезвому, дѣловому духу нѣмецкихъ университетовъ. Бывшіе дерптскіе студенты, надѣемся, помнятъ своего наставника и откликнутся на нашъ призывъ сообщить пригодное для уразумѣнія его жизни и дѣятельности. Преподавательская дѣятельность Александра Александровича въ Дерпѣ продолжалась до 1872 г.

Разстроение здоровье требовало отдыха и лѣченія, и съ 1872 г. по 1874 г. покойный почти все время провѣль заграницей, гдѣ по своему обычаю больше заботился о приобрѣтеніи знаній и книгъ, чѣмъ о возстановленіи силъ. Давно исчезнувшіе и почти забытые славяне балтійского поморья, родичи новгородцевъ, занимали его думы и въ Италии среди мягкой и нѣжной природы, ма-нящей къ наслажденію настоящимъ, среди величественныхъ и прекрасныхъ остатковъ классического міра, неудержимо влекущихъ къ исторіи Рима. Но и эти сильные впечатлѣнія не отвлекли Александра Александровича отъ подбора, приведенія въ порядокъ и критического объясненія матеріала, заключающагося въ памятникахъ славянской исторіи и древностей. Предисловіе его къ книгѣ о древностяхъ и исторіи Поморскихъ Славянъ помѣчено: Римъ, 1874, 2 апр. нов. ст.

Этотъ трудъ вмѣстѣ съ Древностями юридического быта Балтійскихъ Славянъ (1874 г.) былъ представленъ его авторомъ въ филологической факультетъ С.-Петербург-

скаго университета для полученія степени доктора славяновѣдѣнія, которой онъ и былъ удостоенъ въ 1874 году. Въ концѣ того же года Александръ Александровичъ принялъ предложеніе нашего историко-филологическаго факультета и въ началѣ слѣдующаго года былъ утвержденъ ординарнымъ профессоромъ по каѳедрѣ славяновѣдѣнія. Осенью 1875 г. новый профессоръ прибылъ въ Киевъ, а съ начала слѣдующаго года началъ здѣсь свою полезную дѣятельность, для которой онъ такъ давно и усердно готовился и къ которой, наконецъ, былъ допущенъ уже послѣ того, какъ здоровье его было сильно падломлено. Въ Киевѣ онъ, преданный своей наукѣ не только умомъ, но и сердцемъ, въ первый разъ увидѣлъ въ своей аудиторіи русское юношество, способное не только понимать предметъ преподаванія, но и полюбить его, какъ разъясненіе и оправданіе завѣтныхъ думъ и стремленій славянскаго племени. Учитель могъ, наконецъ, говорить отъ сердца къ сердцу и голосъ его встрѣтилъ сочувственный откликъ въ душѣ слушателей. Не долго онъ бесѣдовалъ съ ними, но успѣлъ опытнымъ глазомъ примѣтить добрую почву, посыпать здоровыя сѣмена и дождаться первыхъ всходовъ ихъ, обѣщающихъ не обмануть надежды сѣятеля.

Со вступленіемъ Александра Александровича на каѳедру начинается въ Киевѣ преподаваніе и изученіе науки о славянствѣ, соотвѣтствующе вполнѣ способамъ и требованіямъ нашего времени. На слушателяхъ его лежитъ

обязанность не только сохранить живымъ въ памяти образъ своего учителя, но и содѣйствовать тому, чтобы добрая слава его распространялась въ русскомъ обществѣ, скоро забывающемъ о своихъ членахъ, честно отбывшихъ свою чреду служенія его пользѣ и славѣ. Въ ожиданіи болѣе подробныхъ извѣстій, мы сообщимъ пока въ хронологическомъ порядке перечень курсовъ, прочитанныхъ покойнымъ въ недолгій срокъ его преподаванія въ пашемъ университетѣ:

Во 2-мъ семестрѣ 18⁷⁵/₇₆ учебнаго года историко-филологическое обозрѣніе славянскіхъ племенъ для 1-го и 2-го курсовъ; исторія славяновѣдѣнія для 3 и 4 к. Первый семестръ 18⁷⁶/₇₇ г. Александръ Александровичъ не читалъ вслѣдствіе постигшей его тяжкой болѣзни легкихъ. Во 2-мъ сем. того-же года онъ объяснялъ Зеленогорскую и Кралеворскую рукописи для 1 и 2 к. и излагалъ введеніе въ науку славянскихъ древностей 3 и 4 к. Въ 77/₇₈ учебн. году въ 1-мъ семестрѣ съ младшими курсами онъ занимался обозрѣніемъ славянскихъ нарѣчий, а съ старшими — славянскими древностями и древнерусскою письменностью; во 2-мъ семестрѣ продолжая остальные курсы, онъ вместо славянскихъ древностей занимался древностями русскаго языка. Въ 18⁷⁸/₇₉ учебн. году онъ читалъ энциклопедію славяновѣдѣнія для младшихъ курсовъ и исторію литературы болгарской и сербской для старшихъ, продолжая въ тоже время обозрѣніе древне-русской письменности. Въ 18⁷⁹/₈₀ г. младшіе курсы

слушали общее славяновѣдѣніе, а старшіе — славянскія древности и нарѣчія; во вторую половину года славянскія древности были замѣнены древностями русскаго языка. Наконецъ начало 1880/81 г. было посвящено исторіи и энциклопедіи славяновѣдѣнія, исторіи польской литературы и славянскимъ нарѣчіямъ. Осенью 1880 г. Александръ Александровичъ чаще и сильнѣе сталъ чувствовать припадки недуга, уже давно поселившагося въ груди его, и долженъ былъ прекратить чтеніе лекцій. Послѣднимъ актомъ его профессорской дѣятельности было испытаніе въ маѣ 1881 г. студентовъ окончившихъ курсъ по отдѣлу славяновѣдѣнія.

Въ изложеніи Александра Александровича каждый предметъ, каждая вѣтвь науки становилась привлекательною для его слушателей. Плоды обширной пачитанности и точнаго, фактическаго знанія предлагались имъ въ живой и остроумной бесѣдѣ озаренные свѣтомъ мысли, обнимавшей общую связь и значеніе подробностей. Сила профессора заключалась не столько въ учености его, какъ специалиста, сколько въ широтѣ филологического образования, открывавшій ему доступъ ко всѣмъ источникамъ свѣдѣній и приемамъ изслѣдованія, которыми пользуются филологическая науки. Эта широта образования, всегда дорогая въ ученомъ, была драгоценна въ покойномъ въ силу особыхъ, мѣстныхъ, условій. Ему пришлось трудиться въ факультетѣ, въ которомъ сравнительная грамматика не преподавалась вовсе, научное преподаваніе

всебѣй и русской литературы только что начало устанавливаться. Профессору славянскихъ нар҃бчай и литературѣ приходилось на каждомъ шагу встрѣчать у своихъ слушателей пробѣлы въ знаніяхъ и пріемахъ и Александръ Александровичъ въ значительной мѣрѣ пополнялъ ихъ, отчасти прямо излагая основы и методы отсутствующихъ наукъ, отчасти сообщая указанія, гдѣ студентъ могъ найти то, чего ему недоставало. Его слушатели скоро примѣчали, что профессоръ хочетъ и можетъ помочь имъ довести до желаемой ясности тѣ запросы и стремленія, которыхъ изобильно рождаются въ воспріимчивыхъ людяхъ при первомъ знакомствѣ съ наукой. Профессоръ пріобрѣталъ авторитетъ и встрѣчалъ довѣріе и признательность въ слушателяхъ; добрыя отношенія устанавливались въ аудиторіи и поддерживались сердечнымъ пріемомъ и ласковой бесѣдой въ кабинетѣ профессора, всегда открытомъ для тѣхъ, кто нуждался въ совѣтѣ и указаніи. Бодрость духа, сила дарованія и честное отношеніе къ долгу въ состояніи были и при немощи тѣла достигнуть того, что въ наше время часто остается далеко впереди у крѣпкихъ и сильныхъ.

Александръ Александровичъ былъ страстный любитель и собиратель книгъ. Его библіотека была не только огромна, но, что еще важнѣе, она была тщательно составлена и подобрана. Покойный хвалился тѣмъ, что по русской исторіи, исторіи средневѣковой драмы, славянской и древнерусской письменности у него имѣется все,

что было написано и находилось въ обращеніи. Этотъ обширный запасъ средствъ ученой работы не оставался безъ употребленія; напротивъ, онъ все болѣе и болѣе сообщалъ дѣятельности покойнаго то направленіе, историко-библіографическое, которое едва ли было изначала сродно его духовнымъ силамъ. Природа снабдила его восприимчивостью; воспитаніе превратило ее въ любознательность, охватывавшую равномѣрно всѣ точки примѣтныя на горизонтѣ, а благопріятныя обстоятельства дали возможность удовлетворять этой любознательности въ полной мѣрѣ. Въ итогѣ явилась склонность къ собиранию, сличенію и оценкѣ того, что было узано или придумано предшественниками въ наукѣ. Зачатки этого направленія замѣтны въ самомъ началѣ ученаго поприща Александра Александровича. Въ предисловіи къ своему изслѣдованію о погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ онъ признаетъ за собою слабость къ библіографическимъ ссылкамъ и примѣчаніямъ, но оправдываетъ ее тѣмъ, что ему не хотѣлось бросить безслѣдно то, что доставалось усилиями, иногда не совсѣмъ обыкновенными и чего—по доброй совѣсти—онъ не могъ признать вполнѣ неумѣстнымъ. Съ теченіемъ времени склонность къ ссылкамъ и примѣчаніямъ обратилась въ склонность къ подбору и сведенію библіографического материала, къ изученію исторіи вопросовъ предпочтительно предъ решеніемъ самыхъ вопросовъ. Овладѣвъ историко-библіографическимъ материаломъ, покойный обильно сообщалъ его въ лекціяхъ, а потомъ

задумалъ изложить его въ стройномъ и систематическомъ порядке въ двухъ сочиненіяхъ, изъ которыхъ одно—Опытъ библіологического изложенія исторіи древнерусской письменности—онъ успѣль довести до конца 1-го тома, хотя напечатано при жизни его только введеніе, а другое—Энциклопедія славяновѣдѣнія или обозрѣніе предмета, метода и современного состоянія вспомогательныхъ наукъ славяновѣдѣнія—составляло предметъ его думъ и горячихъ желаній въ послѣдніе дни его земной жизни. Къ этой задачѣ покойный былъ подготовленъ такъ, какъ никто изъ живущихъ представителей науки о славянствѣ въ Россіи. Въ немъ было рѣдкое сочетаніе обширной и точной учености, всесторонняго образованія и зоркаго, яснаго ума, способнаго вѣрно понимать и цѣнить самыя разнообразныя точки зрѣнія и направленія въ наукѣ.

Въ маѣ 1881 г. болѣзнь, давно подтачивавшая его силы, достигла до такой степени, что лѣчившіе его врачи настоятельно потребовали, чтобы онъ отправился заграницу въ мѣста болѣе благопріятныя для его здоровья. Больной покинулъ свою рабочую комнату, свои книги и бумаги лишь послѣ тяжелой борьбы съ собою и окружающими. Но не легко ему было и на чужбинѣ!

„Въ прелестной долинѣ среди нарочито высокихъ алпіевъ, Рейхенгаллемъ нарицаемой, писалъ онъ мнѣ, по обычаю растворяя грусть шуткой, мы пережили сначала періодъ ледяной, теперь переживаемъ дождевой..... Во все сіе время перемежала меня лихорадка..... Можетъ быть

перемежаеть и нынѣ, да я не могу сего распознать, ибо и умъ и всѣ чувствія притуплены и одурманены лютостію хинною. Долго ли сіе продолжится—не вѣмъ.... Заниматься чѣмъ нибудь порядочнымъ не могу".... Затѣмъ слѣдуютъ всегда обычные ему вопросы о томъ, что новаго въ европейской наукѣ появилось въ послѣднее время, какія книги получены въ числѣ новостей въ нашей библіотекѣ.

Въ слѣдующемъ письмѣ изъ Рейхенгала идетъ рѣчь о грозныхъ кровоизліяніяхъ періодически повторяющихся. „А въ общемъ разслабленіе и тоска..... Горитъ душа по работѣ, а работать не могу: муки Тантала въ миниатюрѣ!“

Въ августѣ больной почувствовалъ облегченіе. „Лихорадки уже нѣть иѣсколько недѣль, а кровоизліянія по временамъ бывають.... Сущая бѣда—ни тамъ (т. е. въ Пизѣ или Ницѣ, гдѣ больной думалъ провести зиму), ни здѣсь (въ Швейцаріи, въ Боценѣ) нѣть порядочной книжной торговли: приходится голодать...“

Послѣднее письмо я получилъ отъ Александра Александровича на другой день послѣ того, какъ въ нашей университетской церкви было совершено первое поминовеніе по душѣ его. „Послѣ многихъ и долгихъ перекочеваній (при чемъ каждое или ни одно не обходилось безъ лихорадочныхъ жертвоприношеній) послѣ флорентинскихъ ужасовъ (10 дней пребыванія и 15 злѣйшихъ пароксизмовъ лихорадки) прибылъ я, наконецъ,

сегодня въ Пизу... Писать пространственно, яко приличествуетъ „словеснику“ не могу сегодня: голова идеть кружомъ, не столько отъ дороги, сколько отъ хины, которой воспирялъ знатную порцію въ 12 гранъ“. Послѣднія строки письма заключаютъ просьбу написать о состояніи здоровья проф. Кистяковскаго.

Болѣвшій душой о здоровье другихъ самъ былъ уже наканунѣ смерти. Послѣднее письмо помѣчено 7 октября по новому стилю, а 29 сент. по старому Александръ Александровичъ неожиданно скончался въ отелѣ, гдѣ остановился до пріисканія квартиры. Судя по донесшимъ извѣстіямъ, послѣдніе два дня ему стало легче, а послѣдніе часы своей жизни онъ провелъ въ свѣтломъ настроеніи духа и не подозрѣвалъ, конечно, близости смерти, которая, по собственнымъ его словамъ, всегда была и вѣчно будетъ непримиримымъ врагомъ человѣка, никогда не могущаго войти съ нимъ въ полную мировую.

30-го сентября достигла Киева вѣсть о потерѣ, понесенной русской наукой и въ особенности университетомъ св. Владимира. Товарищи и сослуживцы покойнаго вмѣстѣ съ его учениками и почитателями его полезной дѣятельности собрались на другой день въ университетской церкви, чтобы помянуть новопреставленнаго молитвою и добрымъ словомъ. Когда стало извѣстно, что тѣло его будетъ похребено въ Москвѣ, совѣтъ университета въ засѣданіи 2-го октября постановилъ выразить признательность свою къ заслугамъ покойнаго отправленіемъ депутаціи въ

Москву для присутствія при погребеніи его. Избраны были: Ректоръ университета проф. И. И. Рахманиновъ, проф. Г. Н. Милхъ и доц. П. И. Аландскій.

Отъ преподавателей университета, студентовъ филологовъ и слушательницъ высшихъ женскихъ курсовъ были возложены на гробъ покойнаго въ день погребенія вѣники, свидѣтельствовавшіе объ уваженіи товарищей и благодарности учениковъ его. Такой же вѣнокъ былъ посланъ и обществомъ Нестора Лѣтописца, которое посвятило особые засѣданіе (4-го окт.) воспоминанію о заслугахъ своего предшевременно скончавшагося предсѣдателя. Въ этомъ засѣданіи были съ благодарностью и уваженіемъ помянуты труды Александра Александровича для преуспѣянія русской науки (Н. П. Дашкевичемъ) и на пользу русскаго юношества (А. В. Стороженкомъ).

Погребеніе тѣла было совершено 14-го окт. въ Покровскомъ монастырѣ, за олтаремъ главной церкви которого и находится могила одного изъ даровитѣйшихъ представителей исторической науки въ Россіи. Во время отпѣванія еще разъ были помянуты добрые услуги покойнаго русскому обществу (П. И. Аландскимъ), и русской наукѣ (Е. В. Барсовымъ), а на могилѣ ректора московского университета Н. С. Тихонравовъ обратился съ рѣчью къ присутствовавшимъ студентамъ и указалъ имъ на покойнаго, какъ на достойный подражанія образецъ любви къ наукѣ, восторжествовавшей надъ всѣми увлечениями.

Совѣтъ новороссійскаго университета выразилъ свое сочувствіе киевскому телеграммой слѣдующаго содержанія:
„Совѣтъ Императорскаго новороссійскаго университета выражаетъ свое глубокое соболѣзнованіе въ виду тяжкой потери, понесенной наукой и университетомъ въ смерти профессора Котляревскаго.“

Совѣтъ университета св. Владимира, выслушавъ настоящую телеграмму, опредѣлилъ: изъявить глубокую признательность совѣту новороссійскаго университета за выраженное имъ сочувствіе къ университету св. Владимира по поводу понесенной имъ тяжкой потери въ лицѣ покойнаго профессора А. А. Котляревскаго.

Составивъ этотъ краткій очеркъ жизни и дѣятельности Александра Александровича съ цѣлью вызвать появление материаловъ для обстоятельной біографіи, мы съ удовольствіемъ заканчиваемъ его извѣстіемъ о томъ, что историческое общество Нестора Лѣтописца въ засѣданіи своемъ 25 окт. постановило обратиться ко всѣмъ знатившимъ покойнаго съ просьбою сообщить что извѣстно имъ о его жизни и дѣятельности. Сообщенія могутъ быть адресованы на имя предсѣдателя общества проф. университета св. Владимира В. В. Антоновича, или члена общества П. И. Аландскаго, которому и поручено составленіе біографіи А. А. Котляревскаго.

ПОМИНАЛЬНЫЯ РѢЧИ.

I. *)

Во тьмѣ и ненастїи дороже и милѣе бываетъ сердцу путника сіяніе свѣтота, помогающее ему опознаться въ незнакомыхъ мѣстахъ, видѣть, что лежитъ предъ нимъ на пути и идти впередъ съ довѣріемъ и надеждою достигнуть цѣли. Зато съ какой тревогой и страхомъ слѣдить онъ за мерцаніемъ путеводного свѣта, когда первые порывы вѣтра, предвестники грядущей бури, заставляютъ его то мгновенно вспыхивать яркимъ пламенемъ, то дрожать прерывистой и тонкой струей. Но вотъ вѣтеръ дохнулъ крѣпче—свѣтота погасъ; путникъ въ тоскливомъ предчувствіи близкой напасти тревожно оглядывается вокругъ и, сознавая свою беспомощность, въ уныніи опускаетъ руки.

Въ такую ненастную пору, вдали отъ милой сердцу родины, томимой горькими воспоминаніями и печальными

---

*) Произнесена во время панихиды по Александрѣ Александровичѣ въ церкви університета св. Владимира 1-го октября 1881 г.

предчувствіями, угасла жизнь одного изъ тѣхъ немногихъ сыновъ Россіи, которые, повинуясь только Божьему величию и влечению своего любящаго сердца, обрекаютъ себя на то, чтобы долгимъ и упорнымъ трудомъ возжечь свѣтоточь знанія и истины и, держа его высоко въ рукахъ, бодро освѣщать тернистый путь жизни своимъ современникамъ. И померкла эта жизнь въ такую пору, когда легче гаснуть, чѣмъ зажигаются вновь свѣтильники свѣта истины! Темнѣе стало вокругъ, тосклившѣ на душѣ!

При первой вѣсти о постигшемъ насъ горѣ мы сбрались сюда, чтобы, слѣдуя добруму обычая старины, произнести обѣтъ вѣчной памяти о почившемъ, произнести его заочно, потому что у насъ отнято печальное утѣшеніе еще и въ послѣдній разъ взглянуть на поблекшія черты, въ которыхъ такъ недавно отражались ясно для всѣхъ щедрые дары природы и лучшія пріобрѣтенія человѣчества. Помянемъ же его и да простится мнѣ смѣлое намѣреніе вызвать въ душѣ вашей свѣтлый образъ того, кто былъ для однихъ изъ насъ доблестнымъ сподвижникомъ, для другихъ надежнымъ вождемъ, для всѣхъ же вообще быть тѣмъ, что всего дороже и что такъ рѣдко въ этомъ мірѣ,—добрымъ человѣкомъ, съ чистымъ и любящимъ сердцемъ всегда готовымъ сочувствовать съ нѣжностію и помогать съ самоотверженіемъ. Да, такимъ представляется онъ мнѣ почти послѣ шести-лѣтняго близкаго общенія, послѣ долгихъ бесѣдъ о далекой старинѣ, о томъ, что выпадаетъ намъ на долю теперь и что гото-

вится въ будущемъ. Въ этихъ бесѣдахъ, исполненныхъ ума и сердечной теплоты, ярко отсвѣчивались тѣ прекрасныя и благородныя черты истинной человѣчности, въ которыхъ таился источникъ превосходства почившаго, какъ ученаго и учителя, которыя дѣлали слово его живымъ и дѣйственнымъ, проникающимъ до глубины души и всегда оставляющимъ въ ней прочные и ясные слѣды.

Природа одарила его тѣмъ что составляетъ единственную прочную и широкую основу умственного и нравственного превосходства. Она дала ему умъ равномѣрно чуткій ко всѣмъ отголоскамъ жизни въ Божьемъ мірѣ, особенно же къ тѣмъ безконечно разнообразнымъ и рѣдко стройнымъ звукамъ, которыми заявляетъ о своей тревогѣ немолчно шумящее житейское море. Съ этимъ чуткимъ умомъ природа соединила отзывчивое сердце, быстро и вѣрно откликающееся всѣми тонами и переливами чувства на все, что привлекало вниманіе и затрагивало вѣчно бодрую мысль. Таковы были дары природы! Они таили въ себѣ источникъ радостей и наслажденій, но также горечи, тоски и боли. О томъ, какая струя потечетъ современемъ шире и обильнѣй изъ этого источника,—объ этомъ природа не заботится; это дѣло исторіи. И мы, всѣ мы, слишкомъ часто и болѣо чувствуемъ, что въ наши суровые дни чуткій умъ и отзывчивое сердце обрекаютъ человѣка чаще испытывать горечь и боль, чѣмъ наслажденіе и радость.

Силу и прелесть этихъ даровъ природы возвышало

въ покойномъ его рѣдкое по широтѣ и глубинѣ образованіе,—то образованіе, которое составляетъ неоцѣненный плодъ сосредоточенного и безкорыстного занятія наукой, и, особенно, прилежнаго и глубокаго изученія прошедшіхъ судебъ человѣчества, его лучшихъ помысловъ, вѣрованій, надеждъ и желаній. Отсюда покойный заимствовалъ черты и краски для своихъ идеаловъ, отсюда почерпалъ онъ образцы, одушевлявшіе его въ часы работы, подсказывавшіе ему тѣ стремленія и цѣли, которымъ онъ оставался неизмѣнно вѣренъ во все время своей не долгой, но богатой содержаніемъ и смысломъ жизни. Всѣ, кому довелось быть въ близкомъ общеніи съ нимъ, его друзья и ученики, знаютъ какъ возвышенны были его стремленія, какъ чисты и прекрасны его идеалы. Въ нихъ свѣтилась нѣжная любовь ко всѣмъ искреннимъ, свободнымъ, не стянутымъ узой насилия и не искаженнымъ узкой страстью влеченіямъ человѣческой природы. Ничто человѣческое не было чуждо ему, потому что онъ обладалъ рѣдкой способностью разглядѣть въ каждомъ влеченіи то, что даетъ ему право быть и свободно развиваться.

Чуждый односторонности по природѣ и воспитанію, онъ не любилъ ся и въ другихъ, не любилъ рабскаго отношенія къ сухой и черствой догмѣ разсудка, заставляющей человѣка смотрѣть только въ одну сторону, искать и видѣть истину только въ одномъ направленіи, дѣлить людей на своихъ и чужихъ и разною мѣрою оцѣнивать дѣйствія тѣхъ и другихъ. Нѣжный и мягкий по природѣ

вполнѣ проникнутый сознаніемъ того, что только преданность долгу и влеченіе къ духовной красотѣ составляютъ законныя пружины для дѣятельности человѣка, онъ не выносилъ всего, что имѣло видъ грубаго насилия надъ мыслию и совѣстью, что отзывалось болѣно на личности, хотя и внушено было заботою объ обществѣ. Грустные примѣры раздора и насилия всего болынѣе поражали его любящее сердце и, кто знаетъ, наша ли угрюмая природа, или наша общественная жизнь, полная нестроенія, вражды, жалобъ и угрозъ,—что изъ двухъ въ конецъ подкосило богатыя силы покойнаго въ ту пору, въ которой для тружениковъ науки открывается періодъ полнаго разцвѣта и зрѣлости. Таковъ онъ былъ какъ человѣкъ и, хочется вѣрить, что такимъ, именно такимъ останется онъ въ памяти своихъ друзей и учениковъ, чтобы и по переселеніи въ лучшій міръ, по прежнему благотворно дѣйствовать на всѣхъ, кто дорожилъ его уроками и добѣрчиво шелъ за нимъ, пока онъ былъ здѣсь.

Человѣкъ съ такой душой былъ слишкомъ хрупокъ и нѣженъ для суровой и всегда односторонней практической дѣятельности. Такіе люди не разрушаютъ и не перестраиваютъ общества ни въ теоріи, ни въ практикѣ. Ихъ назначеніе иное, не столь громкое, за то болѣе свѣтлое и отрадное. Они вносятъ гармонію въ помыслы и дѣятельность другихъ, примиряютъ крайности, смягчаютъ рѣзкости, чутко отыскиваютъ и любовно указываютъ другимъ тѣ точки, гдѣ могутъ и гдѣ рано или поздно должны

сойтись самыя противоположныя направленія, и гдѣ протянуть другъ другу руку самыя ожесточенные борцы, ратующе въ этихъ направленіяхъ. Свѣточъ истины въ рукахъ такихъ подвижниковъ науки горитъ иѣжнымъ и ровнымъ сіяніемъ, не ослѣпляя и не раздражая ничыхъ очей. Такъ горѣль онъ и въ рукахъ почившаго. Мы видѣли и свидѣтельствуемъ это.

Онъ угасъ! Всегда тяжела и невознаградима утрата такого человѣка для общества, но особенно тяжко отзыается она тамъ, гдѣ послѣ долгой и беспечной дремоты люди вдругъ пробуждаются отъ назойливыхъ запросовъ жизни, гдѣ старшіе мятутся и шумятъ подъ градомъ взаимныхъ упрековъ и поношеній, а младшіе, глядя издали на это смятеніе, тревожно и тоскливо озираются кругомъ, ища того, къ кому довѣрчиво прильнуло бы ихъ сердце, кто просвѣтилъ, успокоилъ и ободрилъ бы ихъ прежде, чѣмъ придетъ ихъ очередь выступить на широкомъ, но неустроенному поприщѣ русской жизни. Страшно и подумать, чего лишились мы въ почившемъ!

Сомнѣніе же тѣснѣе свои ряды и произнесемъ обѣть хранить вѣчную память о немъ. Эта память есть высшая здѣсь на землѣ награда для тѣхъ, кто совершилъ свой подвигъ прежде насть, и священный долгъ для тѣхъ, кто будетъ слѣдовать за нами. Произнося обѣть вѣчно хранить ее, мы не только исполняемъ священный обрядъ — иѣть, въ настоящую минуту въ нашемъ поведеніи здѣсь проявляется та великая сила, которая искони побуждала

и вѣчно будетъ побуждать людей идти впередъ къ непостижимой для ума, но желанной для сердца цѣли.

Сохранимъ же въ памяти навсегда живымъ и цѣльнымъ свѣтлый и дорогой образъ почившаго вдали товарища, учителя и друга и на прощаныи обратимся къ нему съ мольбою, которая нѣкогда исторглась изъ груди ученика въ минуту разлуки съ учителемъ: да почіетъ духъ жившій въ тебѣ, сугубо на насъ твоихъ бывшихъ сотрудникахъ.

— 13 —

II. *)

Разставшись съ дорогимъ человѣкомъ, уходящимъ отъ насъ далеко, мы обыкновенно пристально и долго смотримъ во слѣдъ ему точно затѣмъ, чтобы глубже запечатлѣть въ памяти его образъ, на которомъ и сосредоточивается умственный взоръ нашъ послѣ того, какъ ушедшій совсѣмъ скроется изъ виду. Въ этомъ образѣ, освѣщенному отблескомъ грусти и любви, всего ярче и отчетливѣе выступаютъ черты, наиболѣе дорогія и милыя нашему сердцу, и созерцаніе ихъ смягчаетъ горесть разлуки, оживляетъ вновь на время поникшую бодрость и силу духа.

Такъ было и съ тѣми, кому дорогъ и близокъ былъ покойный. Когда вѣсть о кончинѣ его достигла Кіева, его друзья, сотрудники и ученики, пораженные скорбью, вспоминали недавнѣе прошлое, предъ взорами ихъ вновь представалъ просвѣтленный образъ умершаго, а въ сердцахъ

---

*) Произнесена въ главной церкви Покровскаго монастыря, во время отпѣванія А. А. 14 окт. 1881 г.

сильнѣе прежняго пробудились тѣ прекрасныя чувства, которая успѣла вызвать его недолгая, но плодотворная дѣятельность среди настѣ. Повинуясь голосу этихъ чувствъ, товарищи и ученики покойнаго украсили гробъ его вѣнками, а совѣтъ университета св. Владимира поручилъ намъ отдать послѣдній поклонъ тому, кто такъ доблестно трудился въ рядахъ его, и засвидѣтельствовать предъ вами здѣсь о томъ, что сдѣлалъ почившій для пользы и славы родной стороны во время служенія своего въ Киевѣ. Время это было кратко, потому что труженикъ, долго и честно готовившійся къ своему призванію, получилъ право исполнять его лишь послѣ того, какъ силы его были падломлены и не могли исполнить всего, что требовала отъ нихъ горячая любовь къ наукѣ и самоотверженная преданность долгу. Но и подъ тяжкимъ гнетомъ недуга покойный въ пять лѣтъ своей дѣятельности въ Киевѣ успѣль сдѣлать многое, о чемъ и напоминаютъ намъ теперь эти знаки уваженія и благодарности, лежащіе на гробѣ его.

На первомъ мѣстѣ между ними вы видите вѣнокъ отъ профессоровъ университета св. Владимира, ближайшихъ свидѣтелей и лучшихъ цѣнителей преподавательской дѣятельности покойнаго. Возлагая вѣнокъ на гробъ умершаго товарища и сотрудника, они хотѣли выразить свое уваженіе къ его личности и признательность къ его подвигамъ. И думается мнѣ, что ихъ уваженіе и признательность чаще и сильнѣе всего пробуждались двумя чертами въ дѣятельности Александра Александровича, ко-

торыя были особенно привлекательны при жизни его и навѣрное оставятъ наиболѣе прочный слѣдъ въ памяти его сослуживцевъ и учениковъ. На нихъ укажу я теперь, чтобы исполнить въ конецъ порученіе пославшихъ насъ сюда.

Семья учащихъ и учащихся, составляющая университетъ, живетъ и движется одной идеей, осуществленіе которой и есть ея истинное призваніе. Среди общества, занятаго тяжкой борьбою за жизнь или погоней за счастьемъ, университетская семья обрекаетъ себя на то, чтобы соединенными силами устанавливать и поддерживать взаимное общеніе и согласіе между всѣми вѣтвями науки и содѣйствовать росту и развитію каждой изъ нихъ въ отдѣльности. И пока университетъ остается вѣренъ своему призванію, люди, соединяющіе основательное знаніе *своей* науки съ широкимъ и прочно стоящимъ образованіемъ, будутъ наиболѣе полезными и почтенными членами его. Къ такимъ людямъ принадлежалъ и покойный, съ помощью таланта и труда умѣвшій соединить обширную и точную ученость въ своей области съ способностью примѣчать, понимать и цѣнить успѣхи знанія въ областахъсосѣднихъ съ нею. Свѣтъ, идущій отсюда, опъ воспринималъ и обращалъ на освѣщеніе предметовъ своего изученія и преподаванія и такимъ образомъ не только основательно знакомилъ своихъ учениковъ съ избранной имъ вѣтвию филологіи, но и внѣдрялъ въ ихъ умахъ ясное сознаніе о связи между этой вѣтвию и другими, идущими отъ того же корня, о необходимости взаимнаго общенія

между всѣми для успѣшнаго роста каждой порознь. Своимъ примѣромъ и уроками онъ поучалъ, что широкое филологическое образованіе укрѣпляетъ и освѣжаетъ точную филологическую ученость. Уча такъ, онъ осуществлялъ въ своей дѣятельности идею университета вполнѣ и всецѣло, и увѣнчанный лаврами гробъ его свидѣтельствуетъ теперь предъ всѣми, что университетъ, возложившій эти лавры, еще не уклонился отъ своего призванія.

Не уклонился даже и въ то время, когда вѣрное служеніе ему встрѣчаетъ особыя трудности. Вѣяніе духа времени всегда чувствуется подъ сводами университета, иной разъ освѣжая и ободряя, въ другой, напротивъ утомляя и угнетая трудащихся здѣсь. Въ наши дни оно доносить рѣзкіе и нестройные отголоски тревогъ и смутъ общественной жизни до тихихъ пріютовъ науки, и эти отголоски, явственно раздаваясь, нарушаютъ спокойную и сосредоточенную работу мысли, отвлекаютъ ее отъ трезвыхъ вопросовъ знанія къ назойливымъ требованіямъ жизни и ослабляютъ восприимчивость и усердіе къ урокамъ науки. Въ такомъ положеніи преподающимъ эти уроки приходится думать о томъ, какъ отразить противодѣйствующее вліяніе духа времени. Иногда съ этой цѣлью преувеличиваютъ силу и значеніе мнѣній, выражаемыхъ послѣдними словами науки, предлагаются эти мнѣнія не только, какъ свой посильный отвѣтъ на очередные вопросы науки, но какъ вѣрное средство для распознаванія и лѣченія общественныхъ недуговъ, какъ непогрѣшимое

мѣрило для различенія и оцѣнки того, что добро и что зло въ дѣяніяхъ и мнѣніяхъ современности. Такимъ путемъ наука приводится въ связь съ жизнью и становится болѣе привлекательною. Ее встѣ чаютъ съ одушевленіемъ, воспринимаютъ съ довѣріемъ къ ея силѣ, ждутъ чудесъ отъ ея внушеній до тѣхъ поръ, пока суровый опытъ жизни или пристальное, трезвое испытаніе ума не разбѣтъ этихъ ожиданій, показавъ, что между младшими вѣтвями знанія и соотвѣтствующими имъ явленіями жизни нѣть такой тѣсной связи, такого быстраго и легкаго перехода отъ благовидной мысли къ полезному дѣлу, какъ думалось и вѣрилось прежде.

Покойный не шелъ этимъ путемъ и не вводилъ въ заблужденіе тѣхъ, кто слѣдовали за нимъ. Въ своихъ бесѣдахъ онъ старался о томъ, чтобы съ помощью знанія, таланта и сердечнаго отношенія къ дѣлу открыть и сдѣлать очевиднымъ для своихъ слушателей подлинный видъ и настоящую цѣнность преподаваемой имъ науки. Онъ предлагалъ имъ прочный матеріалъ и показывалъ, какъ слѣдуетъ обращаться съ этимъ матеріаломъ, чтобы извлечь изъ него ясное и вѣрное представленіе о быломъ, пригодное служить твердымъ устоеемъ для мысли и дѣятельности въ настоящемъ. Онъ вѣрилъ, что этого довольно для привлеченія къ наукѣ умовъ, быть можетъ, смущенныхъ, но не очерствѣвшихъ, и вѣра его оправдалась. Вѣнокъ отъ студентовъ-филологовъ университета св. Владимира, лежащій на гробѣ его, свидѣтельствуетъ,

что уроки его не остались безплодны и что ученики его не только внимали умомъ, но и отзывались сердцемъ на призывъ его къ усердному и беспристрастному изслѣдованию минувшихъ судебъ славянского племени. Хотѣлось бы видѣть въ этой отзывчивости—добрый знакъ того, что скоро наступать для университетской семьи болѣе свѣтлые и тихіе дни.

Подвиги покойнаго на пользу науки и общества не ограничивались дѣятельностью его какъ профессора университета. Въ нашемъ древнемъ городѣ богатомъ остатками старины и славными воспоминаніями, собрался подъ сѣнью университета св. Владимира кружокъ людей, скромно трудящихся надъ изученіемъ прошлаго, надъ поддержаніемъ и распространеніемъ въ обществѣ вниманія и уваженія къ его старинѣ, къ подвигамъ и памятникамъ минувшихъ вѣковъ. Въ этомъ кружкѣ, носящемъ имя Исторического Общества Нестора Лѣтописца, мало по малу сосредоточивается жизнь исторической науки въ Киевѣ. Здѣсь соединились преподаватели этой науки въ университетѣ и академіи; къ нимъ примыкаютъ постепенно ихъ ученики, посвятившіе себя изученію и преподаванію различныхъ вѣтвей ея. Покойный былъ главою этого общества и не только по имени, но и на дѣлѣ. Какъ человѣкъ, напряженно слѣдившій за движениемъ исторической науки по всѣмъ мѣстамъ и во всѣхъ направленіяхъ, онъ много потрудился надъ тѣмъ, чтобы до свѣдѣнія общества доходили быстрыя и точныя вѣсти о новѣйшихъ

успѣхахъ науки въ Россіи и особенно заграницей. Какъ человѣкъ, обладавшій широкимъ историческимъ образованіемъ, онъ сочувственно слѣдилъ за дѣятельностью членовъ общества въ различныхъ, иногда далеко расходящихся, направленіяхъ и умѣлъ, какъ рѣдко кто другой, поддерживать связь между нами и дѣлать яснымъ для всѣхъ смыслъ и цѣну скромныхъ услугъ для науки каждого изъ членовъ въ отдельности. Напоминаніемъ объ этихъ заслугахъ и выраженіемъ глубокой признательности за нихъ покойному служить вѣнокъ отъ Общества Нестора Лѣтописца, которое приняло на себя заботу и о составленіи жизнеописанія Александра Александровича.

Послѣднимъ звѣномъ въ этой цѣпи вѣнковъ, украшающихъ гробъ его, лежитъ вѣнокъ отъ высшихъ женскихъ курсовъ въ Кіевѣ, учрежденія, еще не пригрѣтаго благосклонностью общества, хотя по своей цѣли и основной мысли имѣющаго на нее полное право. Въ наши дни съ быстрыми успѣхами знанія сильно изощряется и способность человѣка примѣчать то, что есть враждебнаго его счастью въ жизни природы и въ порядкахъ общества. Чѣмъ примѣтнѣе становится зло, тѣмъ труднѣе дѣлается борьба съ нимъ, тѣмъ сильнѣе чувствуется необходимость привлечь къ этой борьбѣ всѣ силы общества въ полномъ вооруженіи и вести ее согласно и съ непреклонною послѣдовательностію. Не мимолетное настроеніе и не спѣшное увлеченіе идеями вѣка, но предвидѣніе неизбѣжныхъ запросовъ и потребностей будущаго вну-

шило мысль восполнить узкое и тощее образование тѣхъ, кого жизнь вызываетъ къ борьбѣ, а исторія не спастила средствами вести ее съ успѣхомъ. Учреждая высшіе женские курсы, какъ зародыши будущаго университета, основатели ихъ имѣли въ виду не только удовлетворить потребность времени, но и успокоить, занять правильнымъ и полезнымъ трудомъ, тѣхъ, кого томить жажда знанія и тревожать запросы жизни. Новое учрежденіе, какъ и естественно, было встрѣчено съ недовѣремъ и опасеніемъ, подъ часть доходившимъ до злородныхъ насмѣшекъ при видѣ неизбѣжныхъ неудачъ и затрудненій. Покойный былъ однимъ изъ тѣхъ немногихъ, которые, сочувствуя цѣли курсовъ сердцемъ и умомъ, послужили ей и дѣломъ. Принявъ на себя преподаваніе исторіи литературъ новыхъ народовъ, онъ въ живыхъ, полныхъ знанія и мысли бесѣдахъ открылъ своимъ слушательницамъ источникъ и смыслъ поэтическихъ образовъ и мечтаний, украшающихъ юность народовъ, и смягчающихъ суровый видъ ихъ въ пору зрѣлости. Онъ училъ ихъ видѣть въ поэзіи и искусствѣ не праздную игру досужей фантазіи, не напрасную тревогу чувствъ, чѣмъ не рѣдко считаютъ ихъ въ наши дни, но свободное и прекрасное выраженіе лучшихъ помысловъ и завѣтныхъ желаній времени, служащее къ тому, чтобы оживить и вдохновить очерствѣлыхъ, ободрить робкихъ и утѣшить печальныхъ. И бесѣды его слушались съ напряженіемъ вниманіемъ; его мысли принимались съ одушевленіемъ и, не смотря на краткій

срокъ, преподавательская дѣятельность Александра Александровича оставила ясный следъ въ признателныхъ сердцахъ его ученицъ.

Таковы были его духовные подвиги въ Киевѣ! Сoverшившій ихъ въ продолженіе шести лѣтъ жизни, удрученной тяжелымъ недугомъ, исполнилъ свой долгъ и заслужилъ себѣ вѣчную память. И если бы мы прощались съ умершимъ подъ кровомъ его духовной кормилицы-матери, Императорскаго московскаго университета, мы привнесли бы ей глубокую благодарность за добрыя услуги ея сына; мы сказали бы, что признательность и честь, выпавшая на долю ему, отражаются славою на челѣ ея; мы пожелали бы ей воспитать длинный рядъ такихъ сыновъ и вѣчно получать дань признательности за услуги ихъ въ разныхъ концахъ Россіи. А теперь намъ остается проводить почившаго товарища туда, гдѣ земля бережно приметъ и будетъ хранить его останки. Исполнимъ же этотъ послѣдній долгъ и отойдемъ отъ могилы его, поклавъ каждый себѣ и каждый другому, чтобы, когда придется и нашъ чередъ сомкнуть на вѣки усталые очи, память о трудахъ нашихъ не умерла вмѣстѣ съ нами, но жила бы въ сердцахъ тѣхъ, кто будутъ трудиться вслѣдъ за нами, ободряя и руководя ихъ въ минуты сомнѣнія и усталости.

III *).

Мм. Гг. Горестнымъ событиемъ начинается въ нынѣшнемъ году наша обычная университетская жизнь. Вамъ придется зачеркнуть въ росписаніи лекцій нѣсколько строкъ, но... какой огромный пробѣлъ останется послѣ этихъ немногихъ вычеркнутыхъ строкъ! Сколько высокихъ умственныхъ наслажденій, сколько новыхъ знаній и свѣтлыхъ мыслей сулили вамъ эти строки!.... Не сбудутся эти ожиданія. Онъ умолкъ, краснорѣчивый учитель.

Я не могу теперь предложить вамъ полной, подробной характеристики покойного А. А. Котляревскаго, какъ человѣка и ученаго. Да и нѣть нужды въ подробностяхъ. Образъ покойного—не изъ тѣхъ, которые тускнѣютъ въ памяти быстро и легко, это образъ, врѣзывающійся въ душу глубокими и рѣзкими чертами. Какъ живой, стоитъ онъ передъ нами. Мнѣ остается только обратить ваше

---

*) Рѣчь къ студентамъ историко-филологического факультета университета Св. Владимира.

вниманіе на иѣкоторыя важнѣйшія черты этого привлекательного образа.

Научный цензъ покойнаго былъ чрезвычайно высокъ. Достаточно указать только на его изслѣдованіе о погребальныхъ обычаяхъ славянъ,—трудъ, какихъ не много не только въ русской, но и въ европейской литературѣ. Вотъ отзывъ обѣ этомъ трудѣ не-русскаго ученаго. „Это сочиненіе превосходно, и я не знаю, можно ли указать въ любой литературѣ другое сочиненіе, которое могло быть поставлено на ряду съ сочиненіемъ г. Котляревскаго. Знакомство со всею литературою, касающеюся того же предмета, проявляется на каждой страницѣ книги, такъ что русскіе могутъ ею гордиться и стать во главѣ этой отрасли археологической науки“. Мы, знакомые съ покойнымъ не по однімъ только печатнымъ его трудамъ, знаемъ, что этимъ словамъ Гануша можно дать болѣе широкое, болѣе общее значеніе. Мы знаемъ, какая высокая умственная энергія, какая солидная ученая силаказывалась во всѣхъ сужденіяхъ А. А. Котляревскаго по вопросамъ научнымъ. Если онъ не сдѣлалъ всего, что могъ и хотѣлъ сдѣлать, если его упрекали иногда за то, что онъ „знаетъ такъ много, пишетъ сравнительно мало“, то виной этого былъ тотъ долгій и упорный недугъ, который отнималъ у него много времени и много силъ, который и сразилъ его наконецъ. Покойный съ полнымъ правомъ могъ бы сказать о себѣ словами славянскаго первоучителя: „я кончилъ свой день и падаю на лехѣ“. Да, онъ

паль на лехъ: смерть сразила его среди работы, онъ умеръ, не окончивъ своего послѣдняго, важнаго и многообѣщавшаго, труда.

Ученыхъ специалистовъ, особенно филологовъ и археологовъ, нерѣдко упрекаютъ въ томъ, что называется буквоѣдствомъ, когда за всякими мелочами исчезаетъ живой смыслъ изучаемыхъ явлений. Согласимся, это эти упреки бываютъ иногда и не лишены правды. Но.... часто *incidit in Scyllam, qui vult evitare Charybdis.* Избѣгая упрека въ мелочности и сухости изысканій, легко впасть въ другую, болѣе вредную крайность. Можно забыть, что плохо обоснованныя догадки и скоропѣтныя обобщенія, не отвѣчающія степени разработки данного научного материала, представляютъ не шагъ впередъ въ исторіи науки, а только лишнюю помѣху ея движению, отвлекающую ученое вниманіе отъ прямаго дѣла,— только балластъ, лишонный всякой цѣли, но на удаленіе котораго нужны время и силы. Благо тому изслѣдователю, который сумѣетъ стать выше двухъ этихъ одинаково опасныхъ крайностей, который сумѣетъ отыскать единственно вѣрный путь, опредѣляемый требованіями науки въ данной стадіи ея развитія. А. А. Котляревскій былъ именно такой счастливецъ, умѣвшій найти истинную научную дорогу.

Его ученые труды представляютъ рядъ самыхъ мелочныхъ, самыхъ кропотливыхъ и притомъ всегда точныхъ, разысканій. Въ изслѣдованіи о погребальныхъ обычаяхъ славянъ онъ подбираетъ рядъ фактovt, указываю-

щихъ на разные способы удаленія труповъ у славянъ; въ работѣ о балтійскихъ славянахъ онъ даетъ подобный же кропотливый подборъ свидѣтельствъ о бытѣ и правовыхъ древностяхъ угасшаго славянскаго племени; въ своемъ послѣднемъ трудѣ: „Объ изученіи древней русской письменности“ онъ предлагаетъ тщательно составленный библиографическій указатель по отдельу исторіи русскаго языка и словесности. Но въ этомъ громадномъ накоплѣніи ученаго материала вездѣ проходитъ ясная мысль, вездѣ сказывается сознаніе живаго научнаго интереса.

Въ предисловіи къ книгѣ о древностяхъ права балтійскихъ славянъ напѣтъ изслѣдователь самъ открываетъ намъ цѣли и пріемы своей работы. „Сравнительный пріемъ изслѣдованія, говоритъ онъ, послужитъ для насъ объяснительнымъ средствомъ единственно по отношенію къ юридическимъ древностямъ балтійскихъ славянъ. Послѣднія образуютъ не только средоточіе, но и границы нашихъ разысканій; потому мы оставляемъ вовсе нетронутыми тѣ явленія, о которыхъ нѣтъ воспоминанія или замѣтокъ въ источникахъ славянъ балтійскихъ и существованіе которыхъ у нихъ не представляется неизбѣжно необходимымъ. Сознаемся, что не безъ раздумья и колебаній мы рѣшились на подобное ограниченіе круга изслѣдованій. Мы понимаемъ хорошо всю важность и завлекательность всестороннаго сравненія фактovъ юридического быта всѣхъ славянскихъ племенъ, но намъ казалось, что для такой работы еще не наступилъ урочный часъ, еще не готовы дан-

ные материалы. Вотъ почему, желая разрѣшить частную задачу, мы сочли благоразумнымъ воздержаться отъ широкаго пути сравненій и предпочли дорогу узкую, открывашую гораздо менѣе заманчиваго разнообразія и интереса, но за то гораздо болѣе прочную и надежную" ... Авторъ сознательно ограничиваетъ, суживаетъ свою задачу, воздерживаясь отъ обманчивой широты наблюденій и выводовъ, но этимъ онъ вовсе не отказывается отъ права быть мыслящимъ изслѣдователемъ, отъ права вносить разумъ и свѣтъ въ темный копи археологического материала. „Право, говоритъ онъ, есть такой же историческій памятникъ, какъ и всякое другое проявленіе народной жизни и образованности, какъ языкъ, религія, поэзія, литература, празы и обычай... На этомъ основаніи—не юридические институты сами по себѣ, не систематическая догматика ихъ, а жизнь народа въ нихъ открывающаяся, его внутренняя исторія и образованность составляютъ главный предметъ нашего вниманія и поисковъ". (стр. 3—4). Относит. сочиненія А. Ал—ча о погребальныхъ обычаяхъ И. И. Срезневскій писалъ: „въ его книгѣ мы имѣемъ полный сводъ данныхъ о древнихъ славянскихъ погребальныхъ понятіяхъ и обрядахъ... Этотъ сводъ оживленъ силою мысли, но не мысли ищущей себѣ поддержки въ данныхъ, а мысли, вызываемой самими данными". Такимъ же мыслящимъ изслѣдователемъ является онъ и въ своемъ послѣднемъ библіографическомъ трудѣ. Въ подтвержденіе мнѣстоить только привести заглавія нѣкоторыхъ

рыхъ параграфовъ этого труда: „Значеніе исторического метода въ изученіи произведеній древней русской письменности“; „Общія замѣчанія о томъ, что сдѣлано и что остается сдѣлать по изслѣдованію древне-славянского языка“; „Нетронутые и нерѣшенные вопросы исторіи русского языка“.

А. А. Котляревскій представлялъ рѣдкое, счастливое соединеніе природной даровитости съ тѣмъ, что можно назвать дисциплиной ума. Если онъ умѣлъ внести свѣтъ въ самые темные отдѣлы науки, если онъ умѣлъ придать жизнь и интересъ сухому библіографическому труду, то этимъ онъ обязанъ былъ силѣ своихъ прекрасныхъ дарованій. Но если онъ, при всей живости ума, находилъ интересъ въ самой усидчивой и кропотливой работѣ, если онъ, по его выражению, предпочиталъ иногда узкую, но болѣе надежную дорогу, то этимъ онъ обязанъ былъ той высшей и трудной научной школѣ, которую онъ прошолъ. Первые прочныя основанія своего научнаго образованія А. А. Котляревскій получилъ въ московскомъ университѣтѣ подъ руководствомъ Буслаева, Бодансаго и др. Но онъ не остановился на этомъ. Онъ пошолъ дальше и долгимъ и упорнымъ трудомъ достигъ глубокаго и многосторонняго знакомства съ европейской, преимущественно германской филологической наукой. Эта наука и была его высшей школой. Наибольшее вліяніе имѣли на него труды великаго германскаго ученаго, автора Нѣмецкой миѳологии, Нѣмецкой граматики, Нѣм. правовыхъ древностей

Портреты бр. Гриммъ висѣли въ его кабинетѣ, сочиненія Я. Гримма были его настольными книгами. Онъ охотно называлъ себя ученикомъ, послѣдователемъ Гримма. „Мы стремились обработать, говорить онъ въ сочиненіи о балт. славянахъ, тѣсный участокъ славянскаго юридического поля въ томъ смыслѣ, въ какомъ—*si liceat parva componere magnis*—гениальный Яковъ Гриммъ создалъ свое зданіе нѣмецкой юридической древности“.

Богатство свѣдѣній А. А. Котляревскаго, его широкая образованность, его многосторонняя любознательность были истинно примѣчательны. Но тутъ-то и сказывалась влияніе пройденной имъ высшей научной школы. Его отличала именно многосторонность, а не разбросанность научныхъ интересовъ. Недавно знаменитый Либрехтъ издалъ сборникъ своихъ изслѣдованій о литературной и бытовой старинѣ. Сборникъ носитъ заглавіе: *Zur Volkskunde*. Вотъ это нѣсколько неопределеннное название: *Volkskunde* всего лучше, кажется, можетъ обозначить тотъ обширный отдѣль изученій, которому съ особенной любовью отдавался А. А. Котляревскій. У него было, впрочемъ, свое название для такого рода изученій: „труды по старинѣ и народности“. Сюда, въ эту широкую область старины и народности, входили и исторія литературы, и археологія, и наука о языкѣ, и этнографія. Всѣ эти разнообразныя отрасли знаній сводились къ высшему научному единству въ понятіи „народовѣдѣнія“, они охватывались въ одно цѣлое общностью одного и того же исторического метода.

Какъ понималъ онъ этотъ исторический методъ? „Исторический методъ изученія произведеній словесности, говорить онъ, имѣть своей задачею раскрыть въ нихъ начала исторической и духовной жизни извѣстнаго народа, его бытъ, образованность, нравы, образъ жизни, мысли и нравственныя стремленія,—словомъ весь сложный комплексъ его „нравственнаго бытія и дѣятельности“, какъ они выражаются въ произведеніяхъ слова и насколько они возникаютъ подъ вліяніемъ послѣднихъ“. (Объ изученіи др. р. письменности, стр. 87). Тѣ же задачи ставились имъ, какъ мы видѣли, и при изученіи юридическихъ древностей. „Не юридические институты сами по себѣ, не систематическая догматика ихъ, а жизнь народа, въ нихъ открывающаяся, его внутренняя исторія и образованность составляютъ главный предметъ нашего вниманія и поисковъ.

Въ этой области народовѣданія, изученія „старинъ и народности“ А. А. Котляревскій былъ мастеръ и холдинъ. Онъ зналъ, что въ этой области нужно и можно сдѣлать въ настоящую пору. Въ трудѣ объ изученіи древней русской письменности онъставилъ особые параграфы: „Что сдѣлано и что остается сдѣлать по изслѣдованию древне славянскаго языка“, „Нетронутые и нерѣшенные вопросы исторіи русск. языка“. Что давало ему право составлять такія программы для будущаго? Знаніе прошедшаго и настоящаго науки. Припомнимъ его слова, приведенные выше: „Мы понимаемъ хорошо всю важность и завлекательность всесторонняго сравненія фак-

това юридического быта всѣхъ славянскихъ племенъ, но намъ казалось, что для такой работы еще не наступилъ урочный часъ, еще не готовы должные материалы¹. Такъ можетъ говорить только человѣкъ, которому ясна исторія науки. И въ самомъ дѣлѣ, все, что изучалъ этотъ человѣкъ, изучалъ исторически. Онъ любилъ полно, до подробностей знакомиться съ историческимъ ходомъ тѣхъ отдельловъ знанія, которымъ посвящалъ онъ свои труды. Отсюда его любовь къ библіографіи, которая въ его обработкѣ получала высшій интересъ, дѣлалась „исторіей изученія“ того или другаго отдельла научнаго материала; отсюда же его страстное библіофильство, отсюда же вкусы къ печатанію рецензій. Въ литературномъ наслѣдствѣ, оставленномъ намъ А. А. Котляревскимъ, рецензіи занимаютъ видное мѣсто. Онъ написалъ ихъ не мало на свое мѣсто. И это понятно: кто любить изучать исторію науки, тотъ охотно слѣдитъ за ея новыми успѣхами, за ея современнымъ движениемъ.

Но тутъ, въ этихъ рецензіяхъ, выразилась, впрочемъ, еще одна характеристическая черта А. А. Котляревского. У него была безспорно критическая жилка. Хорошо известно его остроуміе, которое было ключемъ при каждомъ разговорѣ. Въ этомъ остроуміи выказывалась бездна наблюдательности и юмора, какая-то игривость и ясность духа, которая такъ странно противорѣчили съ тревожнымъ состояніемъ его здоровья. Не могъ такой человѣкъ оставаться спокойнымъ, холоднымъ наблюдателемъ и среди

любимыхъ имъ явлений научной литературы. Въ книгахъ онъ также быстро подмѣчалъ слабыя стороны, какъ и въ людяхъ. Бойкая рецензія ему также нравилась, какъ и веселая шутка.

Не всѣмъ нравилась эта шутливость его и въ разговорѣ, и въ статьяхъ. Но почему? Его остроты были иногда рѣзки, но были ли онъ злы? Не думаю, чтобы кто нибудь сказалъ: да. Совсѣмъ ужъ не былъ онъ похожъ на человѣка злого. Веселость и ясность духа не мириятся съ злобой и ненавистью къ людямъ. Напротивъ, вмѣстѣ съ живымъ умомъ природа надѣлила его добрымъ, отзывчивымъ и благороднымъ сердцемъ. Какъ охотно дѣлился онъ съ другими своими знаніями! Какъ щедро давалъ онъ соѣты, указанія, книги!

Ученая и учебная жизнь университета была предметомъ постоянной и искренней заботливости покойнаго. Онъ много хлопоталъ о томъ, какъ бы поставить дѣло факультетскаго преподаванія насколько возможно лучше, какъ бы возбуждать и поддерживать самостоятельныя занятія слушателей. И эти благородныя усиленія не пропадали даромъ.... Но тутъ я долженъ остановиться. О глубокомъ и благотворномъ вліяніи достойнаго наставника вы можете сказать и больше, и лучше меня. Я укажу только на работы, выполненные подъ руководствомъ покойнаго.

Et tumulis honor.

Это выражение А. А. Котляревский выбралъ какъ motto для своего сочиненія о погребальныхъ обычаяхъ славянъ. Мы примѣнимъ это выраженіе къ его могилѣ. Дорога и незабвѣнна будетъ для насъ эта могила....

Вѣчная память почившему!

IV *).

Мм. гг.!

Намъ пришлось открыть наше настоящее собрание занесеніемъ въ нашу лѣтопись скорбной вѣсти о постигшей насть тяжелой и безвременной утратѣ,—о кончинѣ Предсѣдателя нашего Общества, Александра Александровича Котляревскаго.

Восемь мѣсяцевъ назадъ Общество наше въ торжественномъ собраніи, словомъ покойнаго Предсѣдателя, который былъ такъ отзывчивъ къ судьбамъ дорогой ему науки и родной словесности¹⁾, поминало ученыхъ и писателей, незадолго до того унесенныхъ смертью²⁾.

*) Рѣчъ, произнесенная въ экстренномъ собраніи Исторического Общества Нестора лѣтописца секретаремъ Общества Н. Н. Дашковичемъ, 4 октября 1881 г.

¹⁾ См. рядъ поминальныхъ его замѣтокъ въ „Чтеніяхъ въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца“, кн. 1.—Рѣчъ о Григоровичѣ въ „Славянскомъ Ежегоднике“ и др.

²⁾ См. газ. „Трудъ“ 1881, № 1.

Полгода назадъ, въ вводномъ словѣ къ чтенію обѣ историческомъ значеніи произведеній Шевченка, А. А. говорилъ о томъ, какъ „легъ спочить“ родникъ поэзіи, духовной силы южно-русской земли¹⁾.“

Съ той поры мы уже не видѣли А. А. здѣсь, въ нашей средѣ. Мы только слышали въ дни постигшаго его недуга письменно обращенное къ намъ его слово „искренней признательности за довѣріе и вниманіе, какимъ онъ пользовался и утѣшался со стороны сочленовъ во время почти четырехлѣтняго своего служенія Обществу“, при чмъ онъ просилъ уволить его отъ предсѣдательства въ Обществѣ.

Не хотѣлось намъ думать, что эти слова А. А. будутъ послѣдними, какія мы услышимъ отъ него въ нашемъ Обществѣ.

Но „смерть, говори словами самого А. А.,²⁾ всегда была и вѣчно будетъ непримирамъ врагомъ человѣка.“ Если для всѣхъ она непріятель, то по отношенію къ А. А. она оказалась злѣйшимъ врагомъ. Она не пощадила и того, кто тринадцать лѣтъ назадъ сдѣлалъ ей такое блестательное приношеніе въ своей книжѣ о погребальныхъ обычаяхъ. Она безжалостно и безвременно скосила его среди разцвѣта неуставной и полной жизни дѣятель-

¹⁾ „Трудъ“ 1881 г. № 8.

²⁾ См. 1-ю страницу книги „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ“.

ности его, и теперь предлежитъ намъ поминать его самого...

Съ горестью услышитъ объ этой утратѣ всякъ, кому дороги успѣхи нашей русской науки. Но въ особенности тяжела эта потеря для настъ... Невольно возвращается мысль къ ней и не находить покоя. Мы не можемъ забыть того, кто такъ недавно еще предстоялъ намъ, и навсегда останется въ нашей памяти этотъ дорогой намъ образъ, невольно влекущій къ себѣ и теперь, когда уже незримъ его носитель. Неизгладимыми чертами отпечатлѣется этотъ образъ въ исторіи русской науки, служеніе которой поставило своей задачей и наше Общество. Съ гордостью оно можетъ сказать, что это родной ему образъ.

Возстановимъ же въ нашей мысли черты дѣятельности А. А., чтобы навсегда пребыли онъ въ нашемъ воспоминаніи, какъ завѣтъ, отъ него идущій.

Неполонъ и блѣденъ будетъ настоящій очеркъ. Многое не найдеть въ немъ должного упоминанія. Но не время еще произносить полную оцѣнку научныхъ трудовъ А. А., да и можно сдѣлать то въ минуты большаго спокойствія. Я предложу вамъ, Мм. гг., лишь спѣшно набросанный портретъ А. А., какъ дѣятеля на поприщѣ исторического изученія славянской и въ частности нашей родной старины. Я желалъ бы возстановить въ нашей памяти лишь самый общий очеркъ тѣхъ мыслей, которыми онъ былъ проникнутъ въ служеніи наукѣ,—тѣхъ чувствъ, которыми воодушевлялся пламенный его духъ.

Я далекъ отъ преувеличенныхъ похвалъ; за себя будуть говорить сами факты.

А. А. былъ ученикъ достопамятнаго въ лѣтоисяxъ нашего славяновѣдѣнія О. М. Бодянскаго, его земляка. Бодянскому, какъ „первому своему учителю въ славяновѣдѣніи“, посвятилъ А. А. свою книгу объ Оттонѣ Бамбергскомъ¹⁾). Вмѣстѣ съ тѣмъ не остался безъ вліянія на него другой нашъ первоучитель славянской филологии— И. И. Срезневскій.

Свѣтлый и самостоятельный умъ А. А. не ограничился слѣдованіемъ по пути, начертанному этими основателями нашего славяновѣдѣнія. Они начали свою дѣятельность въ то время, когда, можно сказать, еще зарождалось научное изслѣдованіе славянскихъ нарѣчій, и когда изученіе славянскихъ древностей было только что основано Шафарикомъ. Мысль А. А. зрела въ моментъ, когда славяно-русская филология была поставлена на путь научного развитія и имѣла уже у насъ хотя немногихъ, но славныхъ представителей въ лицѣ Востокова, Срезневскаго, Бодянскаго, Григоровича, Буслаева, когда, подъ вліяніемъ Запада, занималась и у насъ заря изученія старины и народности, представлявшаго въ пятидесятыхъ годахъ столько новизны и заманчивости, въ особенности для ученыхъ, чуткихъ къ высшимъ и свѣжимъ вопросамъ

¹⁾ См. отзывъ А. А. о Бодянскомъ въ „Отечеств. Зап.“ 1859, № 9, Русская литература, стр. 16—17.

науки, а не идущихъ лишь торной, давно проложенной дорогой. Въ пятидесятыхъ годахъ на Западѣ у новой науки сравнительной филологии былъ „свой строго-определенный методъ: она дала уже много богатыхъ результатовъ и еще болѣе обѣщала впередъ“; уже славился Шлейхеръ, отведшій такое видное мѣсто славянскимъ нарѣчіямъ въ кругу лингвистическихъ изслѣдований¹⁾. Германская филология въ то время достигла уже значительныхъ и прочныхъ результатовъ трудами братьевъ Гrimmовъ и ихъ послѣдователей, и отъ проницательного взора не могло укрыться громадное значеніе добытыхъ результатаовъ для разъясненія многаго въ славянской старинѣ и вообще для сравнительного изученія народнаго быта, языка, поэзіи. Одновременно развивалась филология романская, накопляя матеріялъ для увлекательныхъ сравнительныхъ изысканій²⁾. А. А. такъ отзывался потомъ обѣ этомъ времени въ русской наукѣ: „Нельзя не назвать счастливымъ время, когда начали у насъ изучать Я. Grimmа: въ литературѣ уже готовъ былъ богатый запасъ матеріяловъ, совершенно однородныхъ сть тѣми, на основаніи которыхъ великий учёный

¹⁾ Въ 1859 г. А. А. назвалъ Шлейхера „однимъ изъ первыхъ современныхъ славянистовъ“. Отечеств. Зап. 1859, № 9, Русская литература, стр. 8. Ср. № 8, стр. 72—73.

²⁾ Ср. слова самого А. А. въ Отечеств. Зап. 1859, № 8, Р. лит., стр. 68—69.

выводилъ свою художественную постройку нѣмецкой миѳологической старины, именно фактовъ народнаго быта, или источниковъ такъ называемой *низшей* народной миѳологии: изученіе „Нѣмецкой миѳологии“ Гrimма необходимо привело къ ближайшему изслѣдованію Русскаго матерьяла: пѣсентъ, сказокъ, повѣрій, обычаевъ и обрядовъ,—матерьяла, которымъ хотя и пользовались до того времени, но далеко не въ должной степени и не съ надлежащей точки зрѣнія¹⁾“. Великій примѣръ Гrimмовъ нашелъ достойнаго продолжателя у насть въ лицѣ А. А.²⁾. Въ работахъ его не разъ можно встрѣтить благодарныя упоминанія о Гrimмахъ. Такъ, въ одной изъ нихъ говорится: „Въ наукѣ древностей книга Гrimма представляетъ не только доселе никѣмъ не пре-взойденный образецъ антикварнаго юридического труда, но и превосходную трезвую школу, пройти которую полезно каждому, предающемуся однороднымъ изслѣдованіямъ³⁾.“ И А. А. прошелъ эту школу. Онъ не заблудился на „томъ болѣзненномъ пути, по которому шло наше общ-

¹⁾ Къ вопросу объ обработкѣ славянской миѳологии, Сиб. 1872, стр. 5.

²⁾ Мы не касаемся здѣсь другихъ нашихъ ученыхъ,—и въ ряду ихъ—прежде всего проф. Буслаева,—работавшихъ въ направлениіи, начатомъ Гrimмами.

³⁾ Древности права Балтійскихъ славянъ, Прага 1874, стр. 6.

ственное развитіе „въ половинѣ XIX столѣтія¹⁾.“ Находя мало освѣжительныхъ струй въ тогданий русской наукѣ, А. А. поддался свѣжему научному вліянію, несшемуся съ Запада, со всѣмъ пыломъ и увлеченіемъ, къ какимъ былъ способенъ. Его привлекалъ сравнительноисторическій методъ изслѣдованія, казавшійся ему „едвали не самымъ значительнымъ пріобрѣтеніемъ науки, благодаря которому историко-филологическія изслѣдованія получили твердую, реальную почву, и изъ празднаго, случайного знанія—стали на степень положительной науки²⁾.“ А. А. сталъ зорко и внимательно слѣдить за движеніемъ западной науки, въ особенности—сравнительнаго языкоznанія, германской филологии, и вскорѣ стоять уже на уровнѣ ея, усвоивъ изъ господствовавшаго въ ней направленія все, что могло быть пригодно для широкаго изученія славянства и русской народности и позаимствовавъ усовершенствованные методы ея изслѣдованія. Въ этой-то лучшей школѣ западной филологической науки А. А. почерпнулъ многое, чего недоставало его предшественникамъ. Онъ былъ дѣятель болѣе поздняго времени и, естественно, долженъ былъ поставить нѣсколько иначе и шире задачи изученія историческихъ судебъ русской словесности и славянства.

¹⁾ Отечеств. Зап. 1859, № 9, стр. 9, 11.

²⁾ Старина и народность за 1861-й годъ, М. 1862, стр. 2.

Усвоеніе передоваго направлениі тогдашней западной науки помогло А. А. сразу избрать вѣрный путь и стать на надлежащую точку зреенія по отношенію къ русской литературѣ, наукѣ и жизни. А. А. такъ отзывался о времени около 1847 г.—десять лѣтъ спустя: „отвлеченные понятія нѣмецкой эстетики и философіи Гегеля, бывшія въ такомъ ходу въ русской критикѣ 1837—1844 годовъ, отживали свое послѣднее время: на мѣсто мертвой буквы и сухихъ логическихъ формулъ спекулятивнаго взгляда на искусство, подымались вопросы общественные, слышалось горячее слово за права женщины, подвергались пересмотру понятія нравственныхъ и т. д.; вездѣ жизнь брала верхъ и отрывала критику отъ пустой рутины, выводя ее на широкое общественное поле... Наше время, можетъ-быть, пошло далѣе; но основы остаются тѣ же, тѣ же чаянія, та же вѣра въ человѣка, въ его будущее, въ независимость отъ авторитета и т. д.¹⁾“. Въ русской литературѣ того времени А. А. сочувственно относился къ тому „художественно-гуманному направлениію, которымъ ярко отмѣчена наша литература 30—50 годовъ—разумѣется въ стремленіяхъ лучшихъ ея представителей—и которое составляло ея силу.“ А. А. остался вѣренъ этому направлению и не такъ давно слѣдующимъ образомъ выразился о немъ: „Направлениѣ это-стало нынѣ преданіемъ, уступивъ мѣсто многимъ инымъ, но оно при-

¹⁾ Отечеств. Зап. 1858, № 4, Критика, стр. 58 и 60.

несло столь много для умственного и нравственного развития общества, по въ немъ и доселѣ хранится такое обиліе благородной жизненной силы и широты, что знакомство съ нимъ—никакъ не будетъ только знакомствомъ съ предметомъ отживымъ и мертвымъ, но способно действовать живымъ и плодотворнымъ образомъ.... А усилия людей, которые въ годину тяжелыхъ для общества и литературы испытаний—съумѣли выработать твердая гуманная убѣжденія, съумѣли—насколько смогли, и самую литературу воспитать и направить въ этомъ духѣ... такие поучительные уроки не проходятъ даромъ и каждый разъ возбуждаютъ къ дѣятельному соревнованію¹⁾... Въ русской наукѣ А. А. примкнулъ къ благимъ начинаніямъ, которыхъ уже сказывались подъ влияниемъ западной науки. Онъ съ радостною надеждою привѣтствовалъ зарю свѣтлого будущаго въ области занимавшей его науки исторіи русской словесности. Вотъ слова А. А., относящіяся къ 1858 г.: „Историческая судьбы нашей старинной письменности и литературы сдѣлались теперь предметомъ общаго вниманія и дѣятельного изученія. Хотя медленно, но шагомъ прочнымъ идетъ впередъ молодая наука, разгоняя мало-по-малу фантастическій полумракъ, одѣвающій наше *добреое старое время*, съ его незатѣйливыми жизненными интересами и неприхотливыми требованиями.

¹⁾ Отзывъ о книгѣ г. Пыпина о Бѣлинскомъ въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“ 1876 г.

Явление въ высшей степени утѣшительное! Призраки старины, привлекательные въ своей неопределенной, туманной обстановкѣ, созданія разстроеннаго воображенія, павленыя непривѣтливою современностью, исчезаютъ при свѣтѣ наступающаго дня и даютъ дорогу новому, трезвому взгляду на прошедшее, равно чуждому и болѣзниеннаго восторга при созерцаніи небывалыхъ красотъ старины и предубѣжденной, ни на чёмъ не основанной укоризны.—Дѣйствительно-только въ этой неопределенной рамкѣ, при полной свободѣ фантазіи и воображенія, не стѣсняемыхъ никакими историческими фактами, при полномъ невниманіи къ жизненнымъ интересамъ современности—старое время и его формы принимаютъ тотъ привлекательный видъ, въ какомъ они являются предъ глазами нѣкоторыхъ нашихъ литературныхъ дѣятелей, колебля, быть-можетъ, и безъ того шаткую, нравственную вѣру ихъ въ современного человѣка и тѣ начала, какія исповѣдуется онъ. Примирия этотъ разладъ, наука возвращающая нась изъ міра утопій къ дѣйствительности: въ этомъ ея живое современное значеніе, ея гражданскій, общественный смыслъ и характеръ. Призвавъ одинъ разъ законное участіе ея въ жизненномъ дѣлѣ, человѣкъ уже заранѣе обезопасилъ себя отъ темныхъ внушеній дурно-направленной фантазіи и больного воображенія: подозрительныя, лихорадочные симптомы къ стариинѣ уступаютъ стомъ спокойному вниманію къ историческимъ судьбамъ своего отечества, и жизнь идетъ своимъ чередомъ, несмущая

щаемая призраками прошедшаго, съ сознаниемъ недостатковъ настоящаго и вѣрою въ очищеніе будущаго.—Такова связь современной науки съ жизнью. Она только что зачинается.... и умѣренность въ требованіяхъ является здѣсь, какъ законная необходимость, прямо вытекающая изъ настоящаго положенія науки и литературы въ нашемъ отечествѣ. Въ дѣлѣ всесообщающаго благотворнаго освобожденія отъ авторитета прошедшаго—наука исторіи русской литературы принимаетъ самое дѣятельное участіе, паравнѣ съ исторіею государственныхъ и народныхъ учрежденій и, отчасти, съ исторіею развитія формъ религіозной жизни.—Правда, развитіемъ литературнымъ небогата—чтобъ не сказать совершенно бѣдна—древняя Русь, но уже одинъ трезвый взглядъ на причину этого явленія даетъ достаточный поводъ къ убѣжденію въ глубокой антинациональности и нравственному вреду тѣхъ началь, подъ влияніемъ которыхъ исключительно совершалось развитіе литературнаго дѣла въ Россіи до Петра 1-го. А это убѣжденіе кладетъ могильный камень на заманчивую, но вполнѣ ложную теорію о существованіи какого-то особаго просвѣщенія въ древней Руси и высокой цивилизациѣ, присущей русскому народу.... Отсюда новый, свѣтлый взглядъ на народную жизнь, отсюда и прямая практическія мѣры, могущія дѣйствительно облегчить осложненные вѣками житейскія отношенія! Но работа только-что начинается¹⁾....

¹⁾ Отечеств. Зап. 1858, № 4, Критика. стр. 57—58.

Приведенные слова А. А. определяют какъ нельзя лучшее и трезвое отношение его къ русскому прошлому, и взглядъ его на значение изученія народности, съ которымъ связывались самые живые вопросы нашей науки 40-хъ и 50-хъ годовъ. Ясно, что, по своимъ научнымъ стремленіямъ, А. А. принадлежалъ къ той памятной эпохѣ русской жизни, которую онъ назвалъ въ 1859 г. временемъ „возрожденія наукъ и искусствъ въ 56 году.“

Когда началъ свою литературную дѣятельность А. А., происходило „броженіе понятій еще неустановившихся, колебаніе между старымъ и новымъ.“ Русская историческая литература была „бѣдна хорошими учебниками и страдала отсутствіемъ всякаго здороваго направленія¹⁾.“ А. А. горячо выступилъ противъ „ветхихъ деньми понятій нашихъ грамматистовъ и филологовъ“, противъ „жалкихъ недоносковъ чужой мысли, чужаго труда, а иногда и чужой фантазіи, отъ которыхъ было несвободно наше языкознаніе²⁾.“ А. А. вооружился противъ „искусительныхъ грѣзъ, которымъ неумѣренно предаются наши канонические историки литературы, умѣюще съ изумительною ловкостью отыскивать глубокій смыслъ и великое значеніе тамъ, где ихъ пѣтъ и быть не могло³⁾, противъ „отсталыхъ теорій и взглядовъ, составленныхъ подъ вліяніемъ мрачныхъ славянскихъ сновидѣній и восточной

¹⁾ Отеч. Зап. 1858, № 4, стр. 74.

²⁾ Отеч. Зап. 1859, № 9, критич. ст. о книгѣ Буслаева.

³⁾ Отеч. Зап. 1858, № 4, стр. 68—69.

схоластики¹⁾.“ А. А. возмущался жалкимъ состояніемъ изученія у нась иностранныхъ литературъ. Въ годъ изданія Устава университетовъ, введенаго вновь въ число историко-филологическихъ наукъ, составляющихъ предметъ университетскаго преподаванія, такъ наз. исторію всеобщей литературы, А. А. писалъ: „русская исторія всеобщей литературы—вся въ будущемъ²⁾.“ Старую эстетику А. А. считалъ отжившимъ явленіемъ, а съ нею и идею абсолютнаго искусства. „Жизнь должна возобладать надъ мертвыми формулами; пришло строгое изученіе факта, подъ вліяніемъ новаго животворнаго метода, которымъ давно уже пользовалось естествовѣдѣніе, и это былъ отходный часъ старинной эстетики, ея de profundis... Эстетика Гегеля и правой стороны его школы потеряла всякое значеніе предъ геніальными открытиями, совершенными въ области искусства и литературы трудами Вильгельма Гумбольдта, братьевъ Гриммовъ и ихъ послѣдователей.“ „Если обломки этого, нѣкогда стройнаго, зданія и уцѣлѣли гдѣ-нибудь до нашего времени, то это—или привычка, или упорная отсталая старина, вѣчно живущая заднимъ чи-сломъ и задними мыслями³⁾.“ А. А. возсталъ противъ этой отсталости. „Историки литературы (по крайней мѣрѣ у нась) не слѣдить,—какія явленія въ жизни вызвали

¹⁾ Отеч. Зап. 1858, № 4, стр. 74.

²⁾ Филологическія Записки, годъ второй, стр. 209.

³⁾ Отечеств. Зап., 1885, № 4, стр. 58—59, 67—68.

поэтическое вдохновение и дали ему содержание, они какъ будто не хотятъ признать тѣсной связи между поэзіей и жизнью и думаютъ повершить все дѣло простою систематическою регистраціурою поэтовъ и произведеній съ краткимъ обзоромъ содержанія послѣднихъ. Встарину, когда поэзію какъ независимую силу человѣческаго духа— считали до того самостоятельною, что отрицали всякую связь между ею и окружающимъ міромъ явленій—такой пріемъ изложенія еще имѣлъ смыслъ, но теперь онъ не болѣе, какъ рутина и рутина тѣмъ злѣйшая, что рѣдко кто сознаеть, что это—рутина¹⁾.²⁾ Отсюда-то нападки А. А. на рутину въ преподаваніи словесности и печатныя заявленія сочувствія, съ какимъ онъ относился къ лучшимъ явленіямъ нашей литературы по изученію иностранныхъ литературъ²⁾. Многія изъ замѣчаній А. А. объ этомъ изученіи сохраняютъ силу и для настоящаго времени.

Послѣ первыхъ молодыхъ порывовъ и опытовъ энергической критики наступила пора зрѣлой научной дѣятельности, чуждой страсти. А. А. довелось стать у

¹⁾ Филолог. Зап. годъ II (1862—63), „Исторія всѣ бѣщей литературы въ Россії“, стр. 223.

²⁾ См., напр., отзывъ „въ Филологическихъ Запискахъ“ (1870) о книгѣ г. Веселовскаго „Старинный театръ“ и библіографическая свѣдѣнія о новыхъ книгахъ въ „Университетскихъ Извѣстіяхъ“, имѣвшія въ виду указаніе университетскому юношеству выдающихся пособій для изученія иностранныхъ литературъ.

нась однимъ изъ выдающихся дѣятелей сравнительно-исторического метода изслѣдованія, такъ недавно еще получившаго право гражданства въ русской наукѣ,—блистательнымъ представителемъ широкаго сравнительного изученія старины и народности; ему суждено было собственнымъ примѣромъ показать все значеніе усвоенія результатовъ западныхъ работъ по изученію словесныхъ и вещественныхъ памятниковъ для освѣщенія и возозданія столь дорогой ему родной старины и вмѣстѣ съ тѣмъ намѣтить иѣкоторые новые пути изслѣдованія, которыми до него пробирались у насъ немногіе.

Я не стану перечислять длиннаго ряда работъ А. А.¹⁾. Я очерчу только кругъ занимавшихъ его вопросовъ — при помощи статей и монографій его, которыми я могъ для того воспользоваться. Я передамъ въ самыхъ общихъ чертахъ воззрѣнія А. А. на тѣ или иные области науки — нерѣдко его собственными словами — и затѣмъ охарактеризую общее направленіе его работъ, безотносительно къ частнымъ результатамъ ихъ.

А. А. былъ основательный филологъ. При этомъ, будучи чуждъ ученаго буквоДства, онъ широко понималъ задачи науки, умѣль намѣтать въ ней существенное, находить во всемъ жизненную сторону. Широко и всесторонне относился онъ къ занимавшей его области науки. Онъ не былъ мелкимъ изслѣдователемъ какого-нибудь узкаго круга вопросовъ, не былъ безжизненнымъ

¹⁾ Списокъ ихъ, составленный нами, см. въ приложениіи.

филологомъ, погружающимся только въ букву, изъ-за нея не видящимъ другихъ высшихъ задачъ науки. Въ самомъ языкѣ А. А. открывалъ „живаго, свѣжаго выразителя народной жизни“, „живой организмъ“, неуловимое сочетаніе всѣхъ душевныхъ способностей: фантазіи, мысли, зарождавшихся подъ вліяніемъ свѣжихъ впечатлѣній и выражаемыхъ въ словѣ часто помимо закона строго-логическаго процесса¹⁾.“

Какъ знающій и опытный филологъ, А. А. не разъ указывалъ на важность строгой филологической школы для рѣшенія различныхъ научныхъ вопросовъ, отмѣчая ошибки, находившія доступъ въ наши историческія исследованія (напр., по норманнскому вопросу), въ миѳологическихъ работахъ и т. п. вслѣдствіе недостаточности филологического изученія. Но филология въ этомъ тѣсномъ смыслѣ слова являлась у него подготовительной ступенью къ инымъ работамъ. По его мнѣнію, „современная наука хлопочетъ не только о массѣ лингвистического материала, но и о живомъ взглѣдѣ на языкъ, какъ на творческое произведеніе человѣческаго духа²⁾“. А. А. стремился къ „живому пониманію языка и тѣхъ элементовъ, изъ которыхъ слагается такъ-называемая народность³⁾.“ Онъ прилагалъ свои филологическія знанія къ возсозданию минувшихъ

¹⁾ Отеч. Зап. 1859, № 8, стр. 70.

²⁾ Отеч. Зап. 1859, № 9, стр. 19.

³⁾ Тамъ же; № 8, стр. 74.

эпохъ по памятникамъ словаи вещественнымъ, громадное значение которыхъ въ этомъ отношеніи только недавно вполнѣ выяснено и признано историческою наукой. Къ такому историческому возсозданію и направлялась преимущественно мысль А. А., въ помощь которой были приданы природой богатая память, способность творческаго представлениа, живая воспріимчивость...

Все теченіе прошлой жизни человѣчества занимало его мысль, но въ особенности привлекали ее судьбы славянства и въ частности русской народности.

Отличительнымъ свойствомъ и направленіемъ ума А. А. было стремленіе стать во всемъ на историческую почву, восходить къ началамъ....

Оттуда-то интересъ его къ лингвистической палеонтологіи индо-европейскихъ племенъ¹⁾), оттуда же его вниманіе къ археологии, начиная съ до-исторической. Глубоко возбуждали его пытливость „слѣды опочившей жизни древняго человѣка, загадочные и молчаливые свидѣтели его быта, понятій и вѣрованій“, „одинокіе камни и могилы, подъ которыми уснула исполинская монць отпредшихъ невѣдомыхъ народовъ и поколѣній.“ А. А. написано весьма цѣнное изслѣдованіе „Для сравнительной науки древности: металлы и ихъ обработка въ доисторическую эпоху племенъ индо-европейскихъ“ (Москва 1865). Въ бытность въ Москвѣ, за которую остается слава проч-

¹⁾ Отеч. Зап. 1859, № 8, стр. 82.

наго насажденія у насъ занятій археологію, А. А. принималъ живое участіе въ основаніи и дѣятельности Московскаго Археологическаго Общества. Подъ его редакцією изданъ 1-й томъ „Древностей“,—трудовъ этого Общества, въ которомъ помѣщено изслѣдованіе А. А. „о находкахъ каменныхъ орудій въ южной Россіи“, а также цѣлый рядъ критическихъ замѣтокъ о книгахъ по археології. Свое изслѣдованіе о погребальныхъ обычаяхъ А. А. посвятилъ гр. А. С. Уварову „на память общихъ усилий, общихъ трудовъ по любезному Московскому Археологическому Обществу.“ До конца дней своихъ А. А. не оставлялъ слѣдить за движениемъ русской археологіи, принимая въ немъ и личное участіе. Въ послѣднее время онъ приготовилъ обзоръ успѣховъ русской археологіи, полный сводъ археологическихъ раскопокъ и изслѣдованій древностей, произведенныхъ въ Россіи до 1869 г. Къ несчастію, болѣзнь, постигшая А. А., не позволила ему обнародовать этотъ трудъ, который онъ и пред назначалъ поднести V-му археологическому съезду (въ Тифлісѣ). Тоскливо вдали отъ родины вспоминалъ онъ о томъ, что не довелось ему исполнить свое намѣреніе...

Мысль А. А. объ изученіи славянскихъ древностей созрѣла подъ вліяніемъ слышанныхъ имъ университетскихъ чтеній, преимущественно проф. Буслаева, и трудовъ Гrimма и его послѣдователей. „Два обстоятельства въ особенности содѣйствовали развитію и успѣхамъ изученія славянскихъ древностей въ Россіи—писалъ А. А. въ 1873 г.—

а именно прежде всего введеніе славистики въ число предметовъ университетскаго преподаванія и ближайшее ознакомленіе съ трудами Я. Гrimma и его послѣдователей.... Профессора славистики, побуждаемые къ самостоятельной дѣятельности (отсутствіемъ цѣльного очерка бытовыхъ древностей), склоняли и своихъ слушателей къ изслѣдованію славянскихъ древностей, но въ особенности энергически усилился этотъ интересъ потомъ, когда изучающіе ознакомились съ гениальными трудами Я. Гrimma, и когда сравнительное языкознаніе показало, къ какимъ выводамъ можно прийти и въ археологическихъ занятіяхъ. Широкое поле открылось предъ изслѣдователями: памятники и древнія свидѣтельства, произведенія и проявленія народной жизни, языка, обычаевъ, повѣрій, преданій—все это внушило ученый интересъ, побуждало къ изученію, къ сравненію. Главная заслуга начинанія въ этой области принадлежитъ проф. Ф. И. Буслаеву, который и своими университетскими чтеніями, и печатно распространялъ новое направление изученія древностей и представилъ много достойныхъ вниманія опытовъ¹⁾...“ На основаніи таковыхъ материаловъ должна быть построена, по мнѣнію А. А., „милая и близкая славянскому сердцу наука о родныхъ древностяхъ²⁾.“

А. А. принадлежитъ въ ней почетное мѣсто.

¹⁾ Uspěchy slavistiky na Rusi v posledni době, стр. 33—34.

²⁾ Тамъ-же, стр. 43. прим.

Et tumulis honor! Такой эпиграфъ поставилъ А. А. въ началѣ своей книги „О погребальныхъ обычаяхъ языческихъ славянъ.“ Срезневскій назвалъ ее „первымъ и единственнымъ трудомъ своего рода¹⁾“, а Ганушъ замѣтилъ: „Это сочиненіе превосходно, и я не знаю, можно ли указать въ любой литературѣ другое сочиненіе, которое бы могло быть поставлено на ряду съ сочиненіемъ г. Котляревскаго... Русскіе могутъ имъ гордиться и стать во главѣ этой отрасли археологической науки²⁾.“

А. А. не думалъ ограничиться погребальными обычаями, но намѣревался издать изслѣдованія о старыхъ народныхъ обычаяхъ при рождени и сватѣбѣ^{3).}

Въ „Древностяхъ юридического быта Балтійскихъ славянъ“ А. А., слѣдуя примѣру Я. Гримма, представилъ „опытъ сравнительного изученія славянскаго права.“

На ряду съ вещными памятниками отдаленныхъ эпохъ, А. А. въ равной степени, а можетъ быть даже въ большей, питалъ глубокій интересъ къ словеснымъ памятникамъ старины, преимущественно къ памятникамъ народной словесности. Онъ былъ отличнымъ знатокомъ сказочной литературы и народныхъ книгъ, былинъ и духовныхъ стиховъ, лубочныхъ картинъ. О томъ свидѣтельствуетъ рядъ статей А. А., въ которыхъ онъ отмѣ-

¹⁾ Отчетъ о XII присужденіи наградъ графа Уварова, стр. 239.

²⁾ Тамъ-же, стр. 240.

³⁾ Uspěchy, стр. 43, прим. Ср. Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора лѣтописца, I, стр. 290—292.

чаль успѣхи въ изученіи старины и народности, его статьи о сказкахъ, о нашихъ былинахъ.

Изученіе народности въ ея обрядахъ, повѣрьяхъ, преданіяхъ и словесныхъ произведеніяхъ представляетъ особыя трудности, съ которыми не легко справиться изслѣдователю. Какъ не разъ замѣчалъ А. А., это изученіе только еще начинается... Во многихъ случаяхъ еще не собраны матеріалы, не очищены критикою. Груда не разобраныхъ еще и не упорядоченныхъ данныхъ подавляеть работающаго. Многіе изслѣдователи запутались въ этомъ лабиринтѣ, и яркій примѣръ такихъ безплодныхъ блужданій представляетъ въ нашей литературѣ разсужденіе г. Стасова о происхожденіи русскихъ былинъ.

Тѣмъ цѣннѣе работы А. А. по народной словесности, въ которыхъ сказалась основательность его научныхъ пріемовъ, строгость и отчетливость направленія. А. А. былъ далекъ отъ увлеченія гадательными теоріями и соображеніями. Онъ постоянно указывалъ на господство въ изученіи народности объясненій и выводовъ по личному вкусу, на произволъ толкованій, на отсутствіе строгаго ученаго метода.¹⁾ Онъ стоялъ всегда на почвѣ самаго трезваго отношенія къ предметамъ изслѣдованія. Признавая сравнительный методъ единствено возможнымъ²⁾, А. А. требовалъ выясненія всякой разъ цѣлей сравненія, кото-

¹⁾ Отчетъ о XIII присужд. наградъ гр. Уварова, Сиб. 1872, стр. 334—335.

²⁾ Uspѣchy etc. 38.

рое должно быть строго методическимъ и не оставлять безъ вниманія культурно—историческихъ данныхъ: по его мнѣнію, изученіе народности станетъ сравнительно—историческою наукою¹⁾. Вообще, въ виду молодости ея, А. А. указывалъ на необходимость чрезвычайной осторожности въ работѣ, разграниченія старого и народнаго отъ новаго и заноснаго, различенія психического и этнографического тожества народныхъ преданій, причемъ послѣднее можетъ быть безошибочно отмѣчено только путемъ лингвистического изслѣдованія. А. А. не одобрялъ излишняго увлеченія миѳологіей природы²⁾ и чрезмѣрного разширенія такъ назыв. арійской эпохи.³⁾.

Особой осмотрительности А. А. желалъ въ обращеніи со сказкой, которая „болѣе остальныхъ произведеній народной поэзіи, выражавшихся въ строгой эпической формѣ, подвержена свободной обработкѣ сказателя и постороннимъ случайнымъ прибавкамъ⁴⁾“. По мнѣнію А. А., „наука здѣсь болѣе выиграла бы отъ нѣкотораго ограниченія въ миѳологическихъ толкованіяхъ, чѣмъ отъ широкаго, но шаткаго примѣненія ихъ⁵⁾“. Такой здравый взглядъ предохранилъ А. А. отъ увлеченія модною у

³⁾ Тамъ-же, стр. 37.

⁴⁾ Тамъ-же.

⁵⁾ Отч. о XIII прис., 360.

⁴⁾ Отч. о XIII прис., 358.

⁵⁾ Тамъ же, стр. 359.

насъ миоэологіей природы, благодаря которому многіе труды нашихъ ученыхъ о народной поэзіи отправляются отъ превратныхъ точекъ зре́нія. Въ отношеніи къ былинамъ А. А. не раздѣлялъ взгляда г. Стасова.

Въ такомъ направлениі составлены образцовые отзывы А. А. о сочиненіяхъ и изданіяхъ по народной поэзіи и миоэологии, помѣщенные въ отчетахъ о присужденіяхъ наградъ гр. Уварова. Нельзя не отмѣтить въ нихъ цѣлаго ряда цѣнныхъ замѣчаній, имѣющихъ значеніе преимущественно для выясненія той строго научной постановки, какою должно начинаться изслѣдование тѣхъ или иныхъ вопросовъ. Входя въ это распространенное академическое изданіе, отзывы А. А. не могли остаться мало замѣченными въ русской наукѣ, должны были вліять до извѣстной степени на ея движение.

Нельзя не обратить вниманія на то, что А. А. былъ однимъ изъ лучшихъ знатоковъ южнорусской народной словесности и сочувственно слѣдилъ за разработкою ея. Какъ жаль, что намъ не довелось дождаться его изданія сборника думъ и сказокъ, записанныхъ въ началѣ настоящаго столѣтія въ Подольской губерніи, который онъ предполагалъ помѣстить во II-мъ выпускѣ Чтений нашего Общества! — Въ малорусской народной поэзіи А. А. цѣнилъ богатство заключающихся въ ней данныхъ для науки. Съ этой же научно-художественной точки зре́нія относился онъ и къ малорусской литературѣ. Это видно изъ пожеланія, бывшаго послѣднимъ его словомъ въ

нашемъ Обществѣ: „да получить общее признаніе и уваженіе поэтическая дѣятельность роднаго намъ края на языкѣ ему родномъ, да утвердится за нею полное право безбоязненнаго, ничѣмъ не стѣсняемаго существованія и развитія.... Только при такой разумной, естественной свободѣ возможно развитіе силъ и достоинствъ русской природы: только принявъ въ себя оплодотворяющія, сильныя здоровымъ содержаніемъ течения областной жизни въ языкѣ и поэзіи—общерусская литература станетъ способна обновляться и избѣжать грозящаго ей преждевременного одряхлѣнія, а общерусскій литературный языкъ получить ту мужественную крѣпость и изобразительность, которую со дня на день болѣе и болѣе утрачиваетъ онъ въ теплицахъ столичной беллетристики и журналистики¹⁾; только при свободѣ мѣстнаго поэтическаго творчества и народной рѣчи, при довѣріи, уваженіи и поощреніи ихъ возможенъ отпоръ тому грубому эгоистическому матерьялизму, который различными обольщеніями угашаетъ жизнь духа и все цѣнить и размѣниваетъ на звонкую, но фальшивую монету... Двадцать лѣтъ прошло со дня смерти Шевченка... и двадцать лѣтъ еще нѣтъ преемника ему... Вѣрится, что это явленіе случайное, что не изсякъ родникъ поэзіи, духовной силы южно-русской земли, а „легъ спочить“, по собственному

¹⁾ Ср. подобная же мысли въ замѣткѣ по поводу Словаря Даля: Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійскій Слов., вып. II, стр. 92—93.

выраженію поэта, и кажется должно прибавить: „легъ спочить“ подъ тяжестью неблагопріятныхъ обстоятельствъ. Вѣрится, что, съ устраниемъ послѣднихъ, выйдутъ на поле жизни новые Шевченки, конечно безъ многихъ его симпатій и антипатій, давно уже отшедшихъ на покой, преобразившихъ или ослабѣвшихъ, но съ тѣми же сильными симпатіями ко благу народа, съ тѣмъ же горячимъ сочувствіемъ ко всему великому, что украшаетъ жизнь человѣка и дѣлаетъ его человѣкомъ, къ свободѣ, славѣ, любви, къ благородству и твердости убѣжденій, къ честности дѣла, къ высшимъ наслажденіямъ духа, словомъ—ко всему великому и прекрасному¹⁾“.

Вообще А. А. не сочувствовалъ внесенію въ область науки постороннихъ соображеній. Потому онъ выступилъ въ 1862 г. противъ ученыхъ, доказывавшихъ, что современные малоруссы—потомки за-карпатскихъ выходцевъ, пришедшихъ въ XIV стол.²⁾. Интересны послѣднія строки статьи А. А.: „только любовь къ родному пепелищу, къ отогрѣтому мѣсту, съ которымъ соединялось много дорогихъ воспоминаній, только эта любовь могла побудить разбѣжавшееся, при вторженіи Татаръ, населеніе—къ *возвращенію* на прежнія жи-

¹⁾ Газета „Трудъ“ 1881 г., № 8.

²⁾ Основа 1862, № X, ст.: „Были ли Малоруссы исконными обитателями Полянской земли, или пришли изъ-за Карпатъ въ XIV вѣкѣ?“ Ср. Отеч. Зап. 1859, № 9, стр. 23—26.

лица. Эту привязанность къ отчинѣ не могли искоренить даже многовѣковыя бури непосѣдной козацкой жизни: подвергаемое многочисленнымъ искушениямъ святое чувство это только крѣпло, мужало: оно и теперь залегло основнымъ камнемъ малорусскаго народнаго характера— и оно то, главнымъ образомъ, служитъ вѣрною порукою, что нынѣшніе малороссіянине—прямые и достойные потомки тѣхъ *Руссичей*, къ народному чувству которыхъ обращался пѣвецъ Игоря, возбуждая *вступиться за землю русскую и за обиду того времени*¹⁾. Интересно также въ этой статьѣ объясненіе исчезновенія былинъ на южнорусской территории, повторяемое теперь другими учеными.

А. А. былъ—употреблю его собственные выразенія— „далекъ отъ стремленія вносить въ область науки постороннія, къ ней не принадлежащи симпатіи и мысли“. „Строгая наука устраниетъ изъ своей области поэтическую фантазію, она не жертвуетъ ей истинною, она требуетъ лишь доказаннаго факта, какъ бы суровъ, скучъ и непривлекателенъ ни былъ онъ она признаетъ догадку осмотрительно, лишь въ крайнемъ случаѣ, и то, когда существуютъ достовѣрныя для нея основанія¹⁾“. Потому-то дѣятельность А. А. отличалась строго-научнымъ характеромъ. Въ славяновѣдѣніи представляется неоднократно случай дать волю тѣмъ или инымъ предвзятымъ мыслямъ. А. А. не сочувствовалъ внесенію въ

¹⁾ Бесѣды въ Общ. Люб. Росс. Слов., вып. I, стр. 44

науку патріотическихъ соображеній, являющихся врагомъ строгой науки. Вотъ, напр., его отзывъ о Востоковѣ. „Ученые заслуги Востокова давно признаны и оценены всѣми. Но едва-ли кто замѣтилъ, или, по-крайней-мѣрѣ, высказалъ одно достоинство его, рѣдкое въ наше время, когда въ науку такъ часто вносятъ интересы личнаго или племеннаго эгоизма. Мы говоримъ о той примѣрной добросовѣстности, которая, свидѣтельствуя его возвышенный взглядъ на науку и чистыя отношенія къ ней, дѣлаетъ для насть имя Востокова авторитетомъ въ благороднѣйшемъ значеніи этого слова. Мы не знаемъ ни одного факта, какъ бы ни былъ онъ мелочень, неправильно переданного, или вымышленного имъ! Есть что-то высокое въ этомъ неподкупномъ чувствѣ правды и уваженія къ истинѣ! Въ этомъ отношеніи, какая противоположность между нашимъ славянистомъ и другими филологами — Конитаромъ и его ученикомъ, Миклошичемъ, приходская народность и вѣроисповѣдное чувство которыхъ доводило ихъ до такихъ недобросовѣстныхъ искаженій истины¹⁾! А. А. стоялъ за трезвое пониманіе славянской идеи и не сочувствовалъ крайностямъ и мистицизму.

Въ этнографіи А. А. занимался вопросомъ о скитахъ и въ началѣ своей научной дѣятельности готовъ былъ видѣть въ нихъ предковъ Славянъ и Германцевъ²⁾.

¹⁾ Отеч. Зап. 1858, № 9, стр. 15. Ср. „Библіологический опытъ о древней русской письменности“, стр. 147.

²⁾ Лѣтописи русской лит. и древн., т. I.

А. А. следилъ также со вниманіемъ за движеніемъ норманискаго вопроса. Сюда относится небольшая монографія его: „Славяне и Русь древнѣйшихъ арабскихъ писателей“.

Въ области древнѣйшей исторіи славянства А. А. остановился преимущественно на судьбѣ Поморскихъ славянъ.

Ясно изъ всего сказанного, какъ обширенъ былъ кругъ научныхъ вопросовъ, привлекавшихъ постоянное вниманіе А. А. Я отмѣтилъ только тѣ изъ нихъ, по которымъ отъ А. А. остались печатные труды. Но послѣдніе не исчерпываютъ всего содержанія научныхъ работъ его. А. А. причислялъ къ славистикѣ „всѣ вѣтви и отдылы науки, которые могутъ изобразить намъ культурную жизнь славянскихъ народовъ, именно изученіе языка, памятниковъ письменности и литературы, древностей, исторіи, народовѣданія и церкви, словомъ собрание всего относящагося къ прошлой и нынѣшней образованности и жизни славянъ. Объемъ славистики можно было бы ограничить пока болѣе узкими *филологическими* предметами, но кто укажетъ тѣ преддылы, у которыхъ оканчивается трудъ филолога и за которыми оказывается ненужною его помощь¹⁾?“? Только обстоятельное изученіе всего, касающагося славянства, можетъ сдѣлать, по мнѣнію А. А., плодотворною идею славянской взаимности; она можетъ перейти въ жизнь и пустить въ ней крѣпкіе корни, когда

¹⁾ Uspѣchy etc., стр. 3—4.

пройдеть чрезъ школу науки, изученія славянскаго міра — прошлаго и нынѣшняго. Русскіе первые воспріяли эту мысль и первые стали заботиться объ осуществленіи ея¹⁾. Такимъ образомъ, во всестороннемъ изученіи славянства А. А. видѣлъ лучшее осуществленіе и средство славянской взаимности. Онъ вѣрилъ „въ великое значеніе славянской науки и великую миссію славянской идеи“!

Пора охарактеризовать научные пріемы А. А.

Во всемъ онъ умѣлъ стать на надлежащую точку зрењія, устанавливая и отчетливо уясняя себѣ предварительно задачи, методъ и средства изслѣдованія. Оттуда безукоризненность научныхъ пріемовъ А. А. Всякое изслѣдованіе его исходило изъ самаго отчетливаго пониманія общихъ задачъ науки, служенію которой онъ посвятилъ свою жизнь.

А. А. былъ равно силенъ и въ теоретической сто-
ронѣ изслѣдованія, и въ фактической. Знаніе, а слѣдоват.
и научныя работы А. А. были воздвигнуты на самой
прочной основѣ, на матеріалѣ во всей его полнотѣ и на
самомъ тщательномъ изученіи всего развитія науки, всѣхъ
предшествовавшихъ работъ.

Наклонность къ историческому изслѣдованію сказалась и въ этомъ случаѣ! Нельзя не преклоняться предъ этой чертою, которая такъ не часто встрѣчается не только у нашихъ ученыхъ, но и на Западѣ. А между тѣмъ безъ такого

¹⁾ Тамъ же, стр. 52—53.

изученія по мыслима полная основательность работы и прочность ея значенія. Правда, нелегко достигнуть подобного сбора: нужно немало времени, старанія и материальной затраты. А. А. не останавливался предъ этимъ и не скучился трудомъ собирателя....

Кто изъ пасть не видѣлъ монументальнаго памятника такой его дѣятельности, его образцового собранія книгъ, которое составлено съ рѣдчайшимъ стараніемъ, умѣньемъ и вкусомъ?

Не оставляя безъ вниманія ничего, что имѣло какое-нибудь значеніе въ области занимавшихъ его вопросы, А. А. могъ быть въ своихъ трудахъ образцомъ библіографической полноты и тщательности¹⁾.

Начитанность его сказалась въ цѣломъ рядѣ библіографическихъ статей, въ которыхъ онъ желалъ „свести счеты съ прошедшимъ, серьезно оцѣнить настоящее и, по крайнему разумѣнію, намѣтить пути для будущаго“.

Къ тому направленію и послѣдній печатный трудъ его, достойнейшимъ образомъ завершившій дѣятельность его въ этомъ направленіи, именно: „Библіологический опытъ о древней русской письменности“. Это—энциклопедический сводъ всего добытаго наукой, опредѣляющій вмѣстѣ съ тѣмъ ближайшія задачи дальнѣйшихъ науч-

¹⁾ Взглядъ А. А. на библіографію выраженъ имъ въ статьѣ, помещенной въ № 11, „Отечественныхъ Записокъ“ 1862 г.

ныхъ изслѣдований по тому или иному вопросу, сводъ образцовый и безукоризненный¹⁾). Въ этой книгѣ отразились почти всѣ особенности таланта, знанія и научного метода А. А. Изъ нея можно видѣть и полнѣйшее и всестороннее историческое изученіе, съ какимъ онъ приступалъ къ каждому предмету изслѣдованія, и его умѣніе овладѣвать громадною массою прочитаннаго матеріала и становиться выше его, и способность выдвигать во всемъ существенное и находить ведущій прямо къ дѣлу путь изслѣдованія, и талантъ построенія, и, наконецъ, изящество рѣчи, которая всегда почти согрѣта у него теплотой и искренностью, и которою онъ такъ мастерски владѣлъ.

А. А. былъ врагъ лжи, увлеченій, фантазій и неосновательныхъ гипотезъ въ наукѣ. Онъ искалъ въ ней „исторической истины и справедливости“. Дѣятельность его представляеть неуклонное слѣдованіе этому направленію, чтѣмъ удивительнѣе, что А. А. былъ человѣкъ съ душою живой, умомъ воспріимчивымъ и воображеніемъ пылкимъ. Всѣ эти счастливые задатки были направлены на служеніе одной высокой цѣли.

Боюсь утомить ваше вниманіе, мм. гг., длиннымъ очеркомъ. Я полагаю, что и сказаннаго достаточно для того, чтобы признать, что въ А. А. русская наука потеряла

¹⁾ См. Разборъ „Опыта“ въ ст. А. А. Кочубинскаго въ „Журналѣ Минист. Нар. Просв.“, 1881 г. и замѣтку Б. И. Ягича въ „Archiv für slavische Philologie“.

одного изъ самыхъ преданныхъ ей и безкорыстныхъ дѣятелей, труды котораго имѣли вмѣстѣ съ тѣмъ общеславянское значеніе.

Онъ не былъ гениальнымъ новаторомъ и не внесъ въ науку идеи, которыя могли бы произвести въ ней крупный переворотъ, но онъ совмѣщалъ въ себѣ всѣ существенные результаты современной славянской науки, всѣ высшія стремленія ея и задачи.... Онъ былъ дѣятелемъ науки въ полномъ и высшемъ значеніи этого слова, ученымъ, какихъ ждеть и ищетъ русская земля, недавно только вступившая на путь всесторонняго и полнаго усвоенія всей вѣками созданной науки. Въ области изученія старины и народности такое усвоеніе въ особенности необходимо. У насъ оно только недавно началось, и за А. А. навсегда останется заслуга того, что онъ, вслѣдъ за проф. Буслаевымъ, наряду съ А. А. Потебнею и др., былъ однимъ изъ первыхъ и самыхъ почтенныхъ дѣятелей на этомъ поприщѣ,—дѣятелемъ, въ которомъ съ несомнѣннымъ дарованіемъ соединялось высшее одушевленіе и творческое вдохновеніе.

Нельзя не упомянуть, въ заключеніе, о томъ, что А. А. былъ однимъ изъ основательпѣйшихъ и немногихъ въ Россіи знатоковъ западно-европейскихъ литературъ. А. А. былъ убѣжденъ, что „даже общий пріемъ изученія литературныхъ памятниковъ сравнительно съ однородными произведеніями литературы западной есть пріемъ въ высокой степени плодотворный; ибо чрезъ него почти всегда

историческое и литературное значение нашихъ памятниковъ освѣщается совершенно новымъ и неожиданнымъ свѣтомъ: характерные черты эпохъ и народностей тогда выступаютъ яснѣе, свои образы оттѣняются рельефнѣе, ближе входишь въ исторію времени, а потому научаешься глубже понимать и вѣрнѣе цѣнить ее... Нельзя сказать, чтобы русская наука была богата изслѣдованіями въ этомъ отношеніи, но нѣкоторыя монографіи гг. Буслаева и Веселовскаго 1-го не оставляютъ сомнѣнія, что приложеніе сравнительного метода къ разработкѣ исторіи русской литературы—приводить къ очень важнымъ и замѣчательнымъ результатамъ¹⁾. „Внутренняя исторія народа, говорилъ А. А. въ другомъ мѣстѣ²⁾, состоитъ изъ двухъ различныхъ между собою началъ: собственнаго, выработаннаго изъ своей жизни и приобрѣтенного путемъ заимствованія отъ другихъ народовъ. Различать эти два начала необходимо, безъ этого не будетъ понятенъ смыслъ народной исторіи, не можетъ быть правильно оцѣненъ подвигъ жизни известнаго народа, его участіе въ общихъ судьбахъ человѣчества“. Помимо всего этого, А. А. признавалъ еще особый интересъ въ исторіи всеобщей литературы. „Не смотря на молодость этой науки—она успѣла

¹⁾ Библіологич. опытъ о древней русской письменности, стр. 89.

²⁾ Бесѣды въ Обществѣ Любителей Российской Словесности, вып. II, стр. 93,

получить гражданскія права не только въ наукѣ, а и въ общественной нравственной жизни, какъ знаніе въ высшей степени привлекательное, дающее удовлетвореніе не одной пытливой любознательности, но и более нѣжнымъ сторонамъ духовной природы человѣка. Говорить ли еще объ одномъ качествѣ этой науки, качествѣ, которое не всѣмъ знаніямъ выпадаетъ на долю и далеко не въ равной степени—мы разумѣемъ образовательную ея силу, ея высокое педагогическое значеніе, пынѣ уже всѣми признанное¹⁾?

Мнѣ остается еще, мн. гг., напомнить нашъ долгъ по отношенію къ А. А., какъ къ нашему бывшему сочлену и предсѣдателю.

Я ограничусь краткимъ указаніемъ на эту сторону дѣятельности А. А., такъ какъ она и безъ того живетъ въ нашей памяти.

Я не стану упоминать о горячемъ участіи, съ какимъ онъ относился къ преуспѣянію Общества. Во все времена нездоровья, даже въ послѣдніе дни своей жизни, А. А. не переставалъ заниматься и интересоваться дѣлами Общества, о чёмъ свидѣтельствуютъ его письма.

Почти всякий разъ мы слышали здѣсь его слово, полное жизни, энергіи, а нерѣдко и свойственнаго ему добродушнаго малорусскаго юмора.

¹⁾ Филологическія Записки, годъ II, стр. 212—213.

Многимъ обязано наше Общество А. А., еще не время произносить полную оцѣнку. Скажу только, что въ своей деятельности въ нашемъ Обществѣ и виѣ его А. А. за-вѣщалъ намъ достойнѣйший примѣръ. Свою недолгую, но богатую трудами жизнь онъ посвятилъ всестороннему историческому изученію родной старины въ ея вещественныхъ остаткахъ, въ памятникахъ слова, въ произведеніяхъ народа, въ его бытѣ, не удаляясь отъ жизни, чутко от-носясь къ живымъ вопросамъ науки и литературы, будучи чуждъ исключительности и соблюдая въ себѣ въ то же время духъ строгой науки. Не въ томъ ли и наша задача, задача нашего Общества?

Воздадимъ же должное А. А., чти его заслуги, и со-хранимъ признательную память о немъ!

СПИСОКЪ

НАПЕЧАТАННЫХЪ СТАТЕЙ, МОНОГРАФІЙ И РѢЧЕЙ

А. А. Котляревскаго. *)

1857.

Русский Вѣстникъ 1857, т. XI, сентябрь, книжка вторая, соврем. лѣтопись, ст.: „Мистеріософія бардовъ Бретани“ (стр. 89—94).**

Московскія Вѣдомости (литературный отдѣлъ), №№ 56, 64 и 66. Сказанія о русскихъ болотыряхъ. Тоже Моск. Губ. Вѣд. 1857., №№ 23 и 33. Подп.: С-ть.***

*) Печатая этотъ списокъ, наскоро составленный, предвижу его неполноту и обращаюсь къ лицамъ, могущимъ указать пропуски, съ просьбою о сообщеніи мнѣ касательно такихъ.—*H. Дашкевичъ.*

) Статья подписана: Э. С.* Псевдонимъ этотъ (Экъ —студентъ?) разоблачилъ самъ А. А. Котляревскій въ примѣчаніи къ одной изъ статей, помѣщенныхъ въ „Филологическихъ Запискахъ“: годъ II, стр. 208.

***) О принадлежности этой статьи А. А. см. „Старина и народность за 1861 годъ“, стр. 36, прим. 2-е.

1858.

Отечественные Записки, № 4, (т. CXVII), Критика: Очеркъ исторіи русской поэзіи г. Милюкова. Издание второе. Санктпетербургъ. 1858. (стр. 57—74). Подпись: Эк. С-ть.

Рецензія на книгу О. О. Миллера „О нравственной стихіи въ поэзіи“. Атеней 1858, № 37, 39. Ст. Эк. С-та*.

1859.

Отечественные Записки, №№ 8 (т. CXXV, Русская литература, стр. 59—86) и 9 (т. CXXVI, Русская литература, стр. 1—26). Критическая статья по поводу Опыта исторической грамматики русского языка сост. Ф. Буслаевымъ. Подпись: Эк. С-ть.

Московское Обозрѣніе 1859, № 1, отд. II, стр. 90—108. Разборъ III-го тома „Исторіи русской словесности“ Шевырева **). Подпись: Sp. А-г.

Лѣтописи русской литературы и древности, изд. Н. Тихонравовимъ. Т. I, М. 1859. Смѣсь и библіографія, стр. 121—144 (разборъ мемуара Бергманна о Скиоахъ).

1860.

С.-Петербургскія Вѣдомости, № 233. Рецензія на Памятники старинной русской литературы и др. Эк. С-та.

*) Статья эта известна мнѣ по указанию во II-й книжѣ „Московского Обозрѣнія“ 1859, Библіограф. указатель, стр. 15.

**) См. „Библіологический опытъ о древней русской письменности“, стр. 49, прим. 66.

1861.

Московскія Вѣдомости №№ 1 и 5. *Рутинъ въ преподаваніи исторіи словесности*.—№ 263. *Новые труды по русской старинѣ и народности*.—№ 279. Двѣ новые христоматіи (Рецензія Исторической христоматіи Галахова).

1862.

Старина и народность за 1861-й годъ. Библіографическое обозрѣніе. Москва. Въ унiv. тип. Стр. 99. In—12⁰. „Оттиснуто изъ Моск. Вѣд. 1862 года изъ №№ 84, 87, 92, 102—3, въ числѣ 99 нумерованныхъ экземпляровъ“.

Основа, № X, ст.: „*Были ли малоруссы исконными обитателями Полянской земли, или пришли изъ-за Карпатъ въ XIV вѣкѣ?*“—стр. 1—12. Отдѣльный оттискъ съ тѣмъ же заглавіемъ. „66 отдѣльныхъ оттисковъ. Петерб. 1862“. Стр. 14.

Отечественные Записки, № 11 (т. CXLV), стр. 78—82. „*На память будущимъ библиографамъ. Замѣтка о библіографіи въ отношеніи науки о русской старинѣ и народности*“ (стр. 78—86).

Извѣст. Имп. Археол. Общ., т. IV, вып. 5, столб. 405—406. *Изображеніе калики перехожаго въ латинской рукописи XIV вѣка* (Письмо къ И. И. Срезневскому).

1862—63.

Филологическія Записки, годъ II, вып. III: „*Сравнительное языкоученіе I. Очеркъ исторіи языкоизнанія. Филология и лингвистика. II. Сравнительно-Историческое язы-*

ко^знаніе* (Стр. 101—119).—Вып. IV и V. „Сравнительно—Историческое языко^знаніе. III. Его пріемы и задачи. Исторія языковъ. IV. Языкъ и исторія народовъ. Теорія поэзіи.—Приложение. 1) Шлейхеровъ очеркъ Исторіи Славянского языка. 2) Сравнительно историческое языко^знаніе въ Россіи (окончаніе)** (стр. 153—208)*).—Исторія всеобщей литературы въ Россіи (стр. 209—240).

1863.

Спб. Вѣдомости, № 67. *Литературный подлогъ.* „Балалайка“, сборникъ русскихъ пѣсень, изд. въ Германіи.—№ 39. *Русское периодическое издание Академии Наукъ.*—№ 72. Библіографическая замѣтка по поводу Палеографическихъ снимковъ еп. Саввы.

1864.

Филологическія Записки, № 1-2. *Основной элементъ русской богатырской былины.* I. Миѳъ, сказаніе, исторія (по поводу книги г. Майкова) (Стр. 69—80).

Спб. Вѣдомости №№ 94, 100 и 108. *Русская народная сказка.*

Русскій Архивъ (2-е изд.) 1864, стр. 73—77: *Для исторіи русского народного театра.* I. Аника воинъ и

*) Статьи о сравнительно-историческомъ языко^знанії, помещенные въ Филологическихъ Запискахъ, составляютъ въ некоторыхъ частяхъ своихъ перепечатку въ измѣненномъ видѣ статей, напеч. въ Отч. Зап. 1859 г.

смерть, представлениe, разыгрываемое фабричными работни-
ками, съ предисл.

1865.

Книжный Вѣсникъ 1865, № 15. *Два библіографи-
ческіе вопросы* (Стр. 289—291).—Русскій Архивъ № 10—
11. Отвѣтъ Гроту по поводу его отвѣта на библіографи-
ческій вопросъ.

Древности. Труды Московскаго Археологическаго
Общества. Библіографія по археологии. Матеріалы для
археологическаго словаря.

Для сравнительной науки древности. Металлы у
племенъ индо-европейскихъ. Скандинавскій корабль на
Руси. М. 1865. „Изъ Трудовъ Моск. Археол. Общ. (т. 1).
Оттиснуто въ числѣ 55 нумерованныхъ экземпляровъ“.
Стр. 42 in—4⁰

1866.

Засѣданія Московск. Археол. Общества. 1866 г. Ар-
хеологическая библіографія.

С.-Петербург. Вѣдом. № 272. Ученая новость (по по-
воду Светоніевой биографії Тиверія, переведенной Маловымъ).

1867.

Бесѣды въ Обществѣ Любителей Россійской Словес-
ности, вып. I, отд. II, стр. 39—44: „Замѣтка о тру-
дахъ Ф. Н. Глинки по наукѣ русской древности“, статья,
читанная въ публичномъ собраніи Общества.

Отчетъ о десятомъ присужденіи наградъ графа Ува-
рова. Разборъ сочиненія Аѳанасьевъ подъ заглавіемъ:

„Поэтическія воззрѣнія Славянъ на природу“. Т. I. (Стр. 36—83).

1868.

O погребальныхъ обычаяхъ языческихъ Славянъ. 16 не-
нумерованныхъ стр. и 252. *) Приложеніе: Славяне и
Русь древнѣйшихъ арабскихъ писателей. 38 стр. Это
приложеніе было издано и отдельно:

Славяне и Русь древнейшихъ арабскихъ писателей.
Этнографическая замѣтка 36 стр., отпечат. въ 33
экземпляра.

Бесѣды въ Общ. Любит. Росс. Слов., вып. II, стр.
91—94: *Замѣтка о Толковомъ Словарѣ живаго велико-
русскаго языка В. И. Даля.*

Древности. Археологический Вѣстникъ, изд. Моск.
Археол. Общ. подъ ред. д. чл. А. А. Котляревскаго. Т. I.
Годъ 1867—68. *Для археологіи каменного вѣка въ Россіи* (стр. 25). *О находкахъ каменныхъ орудій въ Россіи* (стр. 29—30). Въ отдѣлѣ критики и библіографіи стр.
34—42, 83—92, 170—176, 178—179. Приписки ст.
Маннгардта стр. 60—61, къ ст. Шепшина стр. 65—66,
Эйхвальда—111, Тышкевича 159—160, Тизенгаузена 281
—282. Объ археологическихъ трудахъ Морло, стр. 94—
96. Графъ Константинъ Тышкевичъ, стр. 285.

*) Разборы этого сочиненія указаны Межовыми: Лит. р.
геogr., стат. и этнографіи за 1867 и 1868 гг., т. III, № 2726
—2730.

1869.

Древности. Труды Московского Археологического Общества. Т. II. Вып. 1. *Поминка о С. В. Ешевском* (стр. 83—86). Вып. 2. Археологическая библиография (стр. 183—188).

С.-Петербургскія Вѣдомості № 103. *Некролог*. Н. А. Ивановъ, профессоръ русской истории. (Перепечатано въ Журн. Минист. Нар. Просв. 1869, № 4, Т. CXLI, стр. 263—266).

1870.

Eine estnische Gottheit als Guest auf der Insel Rügen.
Gedruckt in 33 Exemplaren. Dorpat 1870. Separatabdruck aus der „Neuen Dörptschen Zeitung“ 6 стр.

Филологическая записки. Рецензія на книгу г. Веселовскаго „Старинный театръ въ Европѣ“.

1871.

Запоздалые листки изъ исторіи языка и литературы. Воронежъ, 1871. *)

Archäologische Späne. 1. Die deutschen Hausmarken mitten in Russland. 2. Zur Archäologie der Grenzzeichen. 3. Das erste Zusammentreffen der Menschen mit Riesen. Gedruckt in 33 Exemplaren. Dorpat, 1871. Стр. 15.

Это—отдѣльный оттискъ изъ Verhandlungen der gelehrten Estnischen Gesellschaft zu Dorpat, Bd. VII, 1 Heft, стр. 86—92.

*) Книга эта извѣстна намъ по указанію некролога, помѣщенного въ № XI Вѣстника Европы, 1881.

1872.

Отчетъ о XIII-мъ присужденіи наградъ графа Уварова, Спб., стр. 334—373. Разборъ соч. Аѳанасьевъ „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“, т. 2 и 3^а. Разборъ 1-го тома и 2-го и 3-го были соединены въ отдельномъ оттискѣ, носящемъ заглавіе: „Къ вопросу объ обработкѣ славянской миѳологии“. Разборъ сочиненія г. Аѳанасьевъ: „Поэтическія воззрѣнія славянъ на природу“. Спб. 1872, стр. 1—48 и 1—39.

1874.

Uspěchy slavistiky na Rusi i poslední době (1860—72).
V Praze 1874 (Vyňato z Casopisu Musea Král. Českého
1874 sv. 1—3 v 33 výtiscích). 53 стр.

Древности права Балтійскихъ славянъ.—Славянскія
древности (1-й загл. листъ).—Древности юридического
быта Балтійскихъ славянъ. Опытъ сравнительного изу-
ченія славянскаго права. Прага, 1874. 4 ненумерован-
ныхъ стр. и 168 in-8⁰.

*Книга о древностяхъ и исторіи Поморскихъ славянъ
въ XII вѣкѣ.*—Матеріали для славянской исторіи
и древности. I. Сказанія объ Оттонѣ Бамбергскомъ въ
отношениі славянской исторіи и древности. Прага, 1874.
4 ненумер. стр. и 160.

1876.

Университетскія Извѣстія, іюль, Критико-библіограф-
ической отдѣль, стр. 284—303, *Обзоръ успѣховъ славя-
новъдѣнія за послѣдніе три года 1873—76.*

Древности, т. VI, вып. II. *Обзоръ изслѣдованія о фрескахъ керченской катакомбы.* (Стр. 23—26).

Университетскія Извѣстія, № 5, стр. 1—4; № 6 стр. 1—4. Бібліографическая свѣдѣнія о новыхъ книгахъ.

1877.

Отчетъ о присужденіи наградъ гр. Уварова. Рецензія на Историческія пѣсни малорусскаго народа, съ объясненіями Вл. Антоновича и М. Драгоманова. Отдѣльный оттискъ—13 стр. 45 экз.

Славянскій Ежегодникъ. *Викторъ Ивановичъ Григоровичъ.* Рѣчъ въ засѣданіи Кіевскаго Отдѣла Славянскаго Комитета 23 декабря 1876 г. (стр. 308—316). Тоже въ Кіевлянинѣ, № 8.

Древности. Т. VII, вып. 1. *Нѣкоторыя указанія и соображенія относительно движенія археологическихъ занятій и литературы у Словинцевъ, Чеховъ (съ Мораванами), Лужичанъ и Поляковъ* (стр. 46—48).

Славянскій Ежегодникъ. *Осипъ Максимовичъ Бодянский* (Историко - бібліографическая поминка (стр. 343—352).

Кіевскія Губернскія Вѣдомости. Некрологъ Д. В. Поплнова (отчетъ о засѣд. общ. Нестора Лѣтописца).

1879.

Чтенія въ Историческомъ Обществѣ Нестора Лѣтописца. Книга первая.—*О трудахъ академика К. М. Бера и К. Э. Эйхвальда* (стр. 284—288). *О происхожденіи сказанія о новгородскихъ баняхъ* (288—290).—*Объ обычаяхъ у*

Славянъ при рождениі дитяти до его возможности (290—292).—*Очеркъ ученого-литературной деятельности* О. М. Бодянского (195—301).—*Свѣдѣнія о текущей исторической и археологической литературѣ* (304—305, 307—308).—О трудахъ А. Н. Попова (308—310).

Филологическая Записки. Объ изученіи древней русской письменности.

1880.

Университетскія Извѣстія, №№ 11 и 12, Разборъ книги г. Забѣлина: „Исторія русской жизни съ древнейшихъ временъ“.

Отдѣльный оттискъ—Кievъ 1881.

Филологическая Записки. Объ изученіи древней русской письменности.

1881.

Древняя русская письменность.—Опытъ библіографического изложенія исторіи ея изученія. I. Общее историческое обозрѣніе. Исторія изученія древне-славянского и древне-русского языковъ и письма. Воронежъ, 1881. Стр. 216. „Оттиснуто изъ Филологическихъ Записокъ 1879—1880 г. въ числѣ 66 экземпляровъ“.

Газ. „Трудъ“ № 1. Рѣчъ въ годичномъ публичномъ засѣданіи Общ. Нестора лѣтонисца о Достоевскомъ. № 8. Вступительное слово объ историческомъ значеніи народныхъ поэтическихъ произведеній.*)

*.) Объ рѣчи напечатаны мною по подлинникамъ, которые были переданы мнѣ А. А. Котляревскимъ.

B

16 Feb.

1

X
100000

154

B

167820

1

N
00020

167820